

СІНЕ

Центр по изучению международного высшего образования при Бостонском колледже (США) занимается теоретическими разработками и проводит междисциплинарные исследования в области высшего образования на мировом уровне. Основной задачей центра является распространение актуального, аналитически осмысленного знания о состоянии, тенденциях развития, структуре и основных проблемах международного высшего образования. Руководит центром профессор Ханс де Вит, известный специалист и исследователь международного уровня в области интернационализации высшего образования.

Среди направлений деятельности центра ключевыми являются издание ежеквартального бюллетеня International Higher Education, содержащего лучшие научные разработки и статьи о важных изменениях в области высшей школы на примере локальных, региональных и международных кейсов; отбор

и издание книг и монографий состоявшихся и молодых исследователей из разных стран; работа по активизации исследований в области высшей школы в странах Африки и других развивающихся странах; мониторинг коррупции в сфере высшего образования, а также работа, связанная с кросс-культурным взаимодействием университетов и исследователей.

Центр по изучению международного высшего образования — стратегический партнер ИНИИ НИУ ВШЭ, в сотрудничестве с которым реализован целый ряд исследовательских проектов. Новым этапом совместной деятельности является подписание соглашения о передаче прав на издание и распространение бюллетеня на русском языке.

<http://www.bc.edu/research/cihe/>

НИУ ВШЭ

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» является крупнейшим центром социально-экономических исследований и признанным лидером высшего образования в Восточной Европе. Университет активно и успешно занимается исследовательскими разработками в области менеджмента, социологии, политологии, философии, международных отношений, математики, востоковедения и журналистики, объединенных базовыми принципами современной экономической науки.

Преподаватели и сотрудники университета принимают значимое участие в развитии социальных и экономических преобразований в Российской Федерации. Путем проведения системного анализа и комплексных междисциплинарных исследований университет транслирует актуальные экономические знания правительству, бизнес-сообществу и гражданскому обществу.

На базе НИУ «Высшая школа экономики» функционируют 49 исследовательских центров и 21 международная лаборатория, которые занимаются реализацией прикладных и фундаментальных исследований. Одним из приоритетных направлений деятельности университета являются исследования в области высшего образования, объединяющие усилия целого ряда коллективов, работающих в соответствии с мировыми стандартами. Национальные и международные группы исследователей — специалистов в области экономики, социологии, психологии и управления разрабатывают и реализуют сравнительные междисциплинарные проекты. Тематика таких исследований включает вопросы развития мировой и российской системы высшего образования, эффективного контракта в образовании, трансформации академической профессии, подготовки образовательных стандартов, моделей оценки эффективности учреждений высшей школы и многие другие.

<http://www.hse.ru/>

Содержание

Международное высшее образование

№84 / Зима 2016

Игра в рейтинги

- 6 Новый год — новая методология: рассказывают ли рейтинги о чем-то новом?
Эллен Хэйзелкорн, Эндрю Гибсон
- 7 Citius, altius, fortius: международные университетские рейтинги как академические Олимпийские игры
Мария Юдкевич, Филип Дж. Альтбах, Лора Рамбли
- 9 Что такое хорошая национальная система высшего образования: уроки рейтинга U21
Росс Уильямс
- 11 Высшее образование в Латинской Америке и рейтинг U-Multirank
Ана Гарсиа де Фанелли

Миграционный кризис и высшее образование

- 13 Сирийские беженцы в Европе и высшее образование
Ханс де Вит, Филип Дж. Альтбах
- 14 Немецкие университеты открывают двери беженцам
Саймон Моррис-Ланге, Флоринда Брандс

Коррупция и академическая культура

- 16 Мошенничество и коррупция как ключевая проблема высшего образования
Гулям Мохамедбхай
- 18 Деструктивная академическая культура в странах Восточной Азии
Ян Жуй

Международные темы

- 20 Международное высшее образование и «неолиберальный разворот»
Питер Скотт
- 22 ООН, международное высшее образование и информационная дипломатия
Нанетта Свенсон
- 24 Изменение ландшафта исследований в международном образовании
Дуглас Проктор
- 25 Разнообразие традиций гуманитарного образования и их актуальность
в современном мире
Филип Дж. Альтбах

Студенты

- 27 Неонационализм как проблема для международных студентов
Дженни Ли
- 29 Проблемы студенческой мобильности в Юго-Восточной Азии
Тхю Т. До, Дуи Н. Фам
- 30 Обсуждение во Франции вопроса о взимании платы за обучение
с иностранных студентов
Ариана де Гайардон

Страны и регионы

- 32 Качество преподавания в вузах Великобритании под микроскопом: факторы развития
Робин Миддлхёрст
- 34 Высшее образование в Косово: затянувшийся переходный период
Джавит Реджай

Новый год — новая методология: рассказывают ли рейтинги о чем-то новом?

Эллен Хэйзелкорн, Эндрю Гибсон

Эллен Хэйзелкорн — советник по стратегическим вопросам Управления высшего образования Ирландии, директор Центра исследований высшего образования (HEPRU) Дублинского технологического института. E-mail: ellen.hazelkorn@dit.ie.

Эндрю Гибсон — аспирант Тринити-колледжа в Дублине, старший научный сотрудник HEPRU. E-mail: Andrew.gibson@dit.ie.

Раньше, если речь заходила об университетских рейтингах, необходимо было начинать с уточнения, о каком из них идет речь. Однако несмотря на то, что на сегодняшний день существует десять основных глобальных рейтингов, наибольшее внимание сфокусировано на нескольких: Шанхайском (ARWU), рейтинге Times Higher Education и QS. Тем не менее, даже получив ответ на этот вопрос, иногда приходится переспрашивать: «Да, но какой именно?» Это происходит потому, что три этих рейтинга подразделяются на 66 отдельных подрейтингов: по региону, дисциплине, предметной области и т.д. Все это показывает, что рейтинги — это не только инфоповод, но и серьезный бизнес.

Обычно внимание образовательного сообщества и СМИ приковано к драматичным, хотя и зачастую статистически несущественным взлетам и падениям вузов в рейтингах. Иногда абитуриенты выбирают вуз, исходя даже из такой малозначимой информации. Возможно, именно погоня за сенсациями, которыми сопровождаются такие изменения положения университетов, способствовала распространению существующих и появлению новых рейтингов, публикация которых обычно удачно совпадает с проведением крупных конференций.

Составители рейтингов отрицают, что делают это нарочно. Так, составители US News and World Report утверждают, что все нововведения появляются только в связи с совершенствованием рейтинговой методологии, а составители THE говорят, что рейтинг просто «меняется к лучшему». Этим же они объясняют такие организационные перемены, как прекращение сотрудничества с QS и установление партнерских отношений сначала с Thomson Reuters, а недавно и со Scopus.

Последние методологические изменения

Методологические изменения бывают двух основных типов. Они либо структурные (изменение показателей или их удельного веса на несколько процентов, а также критериев нормализации), либо касаются источника данных. В любом случае все это свидетельствует лишь о произвольном подходе в выборе методологии и удельного веса тех или иных показателей.

Что касается источника данных, то составители THE в 2015 году вместо базы Web of Science (WoS) стали использовать базу Scopus. Scopus индексирует 23 000 журналов, а WoS — всего 12 000. Считается, что Scopus точнее отражает социальные и гуманитарные науки, что позволяет более широко охватить деятельность вузов по разным предметным областям и сгладить присущий библиометрическим индикаторам крен в сторону точных и естественных наук.

Другое изменение касалось того, что составители рейтинга THE решили исключить статьи более чем с тысячей авторов, обосновав это тем, что такие публикации позволяют второстепенным вузам занимать несоразмерно высокие места. Это изменение затрагивает в первую очередь физику элементарных частиц и результаты исследовательских проектов, проводимых, например, Европейской организацией по ядерным исследованиям (CERN). У нас нет полного массива данных, но можно предположить, что именно это нововведение стало причиной отката Босфорского университета (Турция) с 139-го места в 2014–2015 году на 501–600-е место в 2015–2016 году. Встает вопрос о том, должны ли теперь подобные исследования вообще никак не учитываться или можно разработать альтернативную, более адекватную и справедливую систему оценки?

В 2015 году составители QS тоже объявили об изменении методологии, которое они назвали «усовершенствованием». Оно касалось алгоритма подсчета цитирований. Вместо деления количества цитирований на абсолютное количество исследователей новая модель предлагает считать нормализованное число цитирований в отдельных научных дисциплинах. Это сыграло на руку гуманитарным и социальным наукам, а также сфере искусств, а инженерно-технические исследования сравнялись с медицинскими и естественнонаучными. Это означает, что университеты, которые преподают медицину (то есть, как правило, более старые и престижные), перестанут быть априори в выигрышном положении, а более молодые вузы, специализирующиеся на других науках, смогут заявить о себе. Подобно THE, QS больше не учитывает статьи, авторы которых работают более чем в 10 различных университетах.

Методология Шанхайского рейтинга, наоборот, относительно стабильна. Соответственно, он редко удивляет неожиданными сдвигами, и верхние позиции занимают из года в год одни и те же вузы. Единственное изменение было сделано в 2014–2015 году, и оно

Обычно внимание образовательного сообщества и СМИ приковано к драматичным, хотя и зачастую статистически несущественным взлетам и падениям вузов в рейтингах.

касались учета статей с высоким индексом цитирования (по данным Thomson Reuters), авторы которых указывали аффилиацию более чем с одним вузом. Начиная с 2003 года составители ARWU пользовались списком из 6000 исследователей с высоким уровнем цитируемости, но в результате изменений 2014–2015 года список сократился до 3000. При этом результаты рейтинга изменились крайне незначительно.

Российский рейтинг Russian Round University Ranking (RUR) составляется на основе данных Thomson Reuters. Удельный вес преподавания и исследований — по 40%, на интернационализацию и финансовую устойчивость приходится по 10%. RUR интересен тем, что он позволяет посмотреть данные по каждому вузу по каждому показателю. Однако в условиях переполненного рейтингами рынка он не предлагает ничего принципиально нового.

Позволяют ли эти изменения узнавать что-то новое?

Во всем мире есть множество подтверждений того, что вузы ищут возможности для манипулирования данными, предоставляемыми в рейтинговые агентства, или, выражаясь более осторожно, для влияния на них. Так как численность профессорско-преподавательского состава является одним из основных параметров, который соотносится с объемом доходов от научных исследований, количеством студентов и аспирантов, публикаций и т.д., многие вузы постоянно стремятся по-новому подойти к классификации сотрудников в зависимости от их занятости и типа контракта. Они также стараются сделать все возможное, чтобы сотрудники верно указывали в публикациях свою институциональную аффилиацию. Есть данные, подтверждающие, что вузы ужесточают критерии отбора абитуриентов, для того чтобы улучшить показатели процента отчислений, трудоустройства выпускников и уровня их заработной платы. К счастью, несмотря на широкую известность, на самом деле таких примеров среди 18 000 университетов, участвующих в рейтингах, довольно мало.

Несмотря на все изменения методологий, производимые рейтинговыми агентствами, непонятно, дают ли нам рейтинги что-то новое, чего мы не знали до этого. На самом деле перемены в вузах происходят настолько медленно, что понять, отражают ли ежегодные рейтинги какие-то реальные сдвиги, сложно. Как ни парадоксально, проблема флуктуаций угрожает затмить обратную проблему, состоящую в том, что все рейтинги в действительности очень похожи. Несмотря на видимость изменений, рейтинги оказываются вполне сопоставимы. Порядок вузов в разных рейтингах отличается, но список ведущих практически всегда совпадает. Это и неудивительно, т.е. рейтинги измеряют одни и те же — ложные — показатели.

Причиной того, что рейтинги продолжают оставаться, по сути, «черным ящиком», является то, что ни правительства, ни студенты, ни широкая общественность не задаются вопросом, что же у них внутри на самом деле.

Citius, altius, fortius: международные университетские рейтинги как академические Олимпийские игры

**Мария Юдкевич, Филип Дж. Альтбах,
Лора Рамбли**

Мария Юдкевич — проректор Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики». E-mail: 2yudkevich@gmail.com.

Филип Дж. Альтбах — профессор, основатель Центра по изучению международного высшего образования при Бостонском колледже. E-mail: altbach@bc.edu.

Лора Рамбли — заместитель директора Центра по изучению международного высшего образования при Бостонском колледже. E-mail: laura.rumbley@bc.edu.

Говоря метафорически...

В дискуссиях о международных рейтингах университетов используются самые разнообразные метафоры. На наш взгляд, у рейтингов есть много характеристик, делающих их похожими на игровые виды спорта, и можно провести много параллелей между основным

академическим контекстом рейтингов и другим глобальным состязанием — Олимпийскими играми.

Подобно Олимпийским играм, рейтинги предлагают своим участникам бороться за потенциальную возможность получить престижную «награду», которая может значимо повлиять на их будущее. Спортсмен-победитель зарабатывает славу и шанс претендовать на высокоприбыльные контракты. Аналогично университет, демонстрирующий прогресс в глобальных рейтингах, получает более широкое международное признание, интерес со стороны талантливых абитуриентов, преподавателей и исследователей, а также возможность привлечь финансирование со стороны фондов и индивидуальных благотворителей, коммерческих организаций и государства.

«Игровое поле» международных рейтингов

Участников Олимпийских игр и глобальных университетских рейтингов объединяет нацеленность на высочайшие профессиональные результаты и стремление победить в честном соревновании. Однако, как правило, они изначально находятся на разных стартовых позициях. Для того чтобы иметь шансы преуспеть в этом соревновании, хорошо быть богатым и сообразительным. Глубокое понимание правил игры и определенный опыт участия в ней также являются ключом к успеху, так как иногда успех зависит от умения скрыть свои слабые стороны и подчеркнуть свои преимущества.

Некоторые страны в силу имманентных причин всегда оказываются на коне как в Олимпийских играх, так и в рейтинговой гонке. Так, олимпийскими чемпионами зачастую становятся представители тех государств, где сложились хорошие естественные условия подготовки в том или ином виде спорта. Этот феномен относится и к тому, какие университеты выигрывают в рейтингах. Очевидно, что страны и вузы, где преподавание ведется на английском, получают несомненное преимущество перед другими с точки зрения глобальных рейтингов, поскольку они изначально пользуются международным языком современной науки. Кроме того, в них же нередко расположены редакции ведущих научных изданий, и там же живут и работают многие рецензенты.

Медальный зачет: в погоне за «золотом»

Позиции в рейтингах, так же как и олимпийские медали, — игра с нулевой суммой. На олимпийском пьедестале может быть только один золотой медалист, один серебряный и один бронзовый. Так же обстоит дело и с университетскими рейтингами: только один университет может занимать первую позицию, в первую сотню могут войти только сто университетов, хотя это не означает, что хороших вузов не может быть больше.

Некоторые страны вкладывают огромные средства и усилия, для того чтобы занять передовые позиции и в университетских рейтингах, и в международных видах спорта, в том числе являющихся олимпийскими, и тратят огромные деньги, для того чтобы добиться этой цели. Они объявляют академические и спортивные успехи приоритетными направлениями национального развития, и достижения в этих сферах приобретают в том числе политическое значение. Достаточно посмотреть на недавние инициативы по повышению конкурентоспособности вузов, запущенные в таких странах, как Германия, Китай, Россия, Франция. Это схоже с тем, как некоторые государства стараются мобилизовать своих спортсменов на участие в Олимпийских играх.

Качество рождает качество: нужна хорошая «система подводки»

В любом случае победителем редко становится участник, вышедший из слаборазвитой среды. Таким образом, исключительное значение приобретают не только меры по поддержке ведущих вузов, но и меры по развитию всей системы. Конечно, для того, чтобы университеты занимали высокие позиции в рейтингах, необходимо инвестировать ресурсы в лучшие вузы, но одновременно нужно поддерживать в целом академическую систему, в которой эти вузы существуют.

**Подобно Олимпийским
играм, рейтинги
предлагают своим
участникам бороться
за потенциальную
возможность получить
престижную «награду»,
которая может значимо
повлиять на их будущее.**

Почему так получается? У лучших вузов должен быть свой академический кадровый резерв, причем восполняемый. Аналогично залогом спортивной конкурентоспособности является наличие развитой и получающей надлежащее финансирование инфраструктуры по поддержке юношеского спорта. Более того, для того, чтобы полностью раскрыть свой потенциал, сильный спортсмен или сильный вуз должен постоянно держать себя в форме, а для этого необходимо наличие конкурентной среды на национальном уровне, потому что, только сравнивая себя с другими, можно заметить свои недостатки и отшлифовать свои

сильные стороны. В идеале вузы должны соперничать друг с другом за сотрудников, абитуриентов и за финансирование. Вузам, развивающимся в условиях отсутствия продуктивной научной и образовательной среды на локальном и национальном уровне, сложно достичь международной конкурентоспособности. Можно утверждать, что то же происходит и в спорте: чтобы увидеть свои слабости, отточить навыки и в конце концов добиться новых высот, потенциальный чемпион должен иметь возможность встречаться и соревноваться с другими спортсменами.

Возможность системы привлекать таланты — еще одна параллель, которую можно провести между странами, которые преуспевают в спорте или в сфере высшего образования. За национальные сборные нередко играют спортсмены (или тренеры) иностранного происхождения, которые приняли гражданство страны и таким образом присоединились к национальным командам в качестве легитимных национальных игроков. Многие вузы по всему миру аналогичным образом стараются привлечь в свои команды зарубежные таланты, которые могут усилить их положение в международных рейтингах.

Былой блеск: обратная сторона погони за «золотом»

К сожалению, у соревнований, за которыми мы наблюдаем, есть и обратная сторона. В мире футбола, например, процветает коррупция, а велосипедный спорт печально известен давно сложившейся традицией допинговых скандалов. Это наглядно показывает, что далеко не все спортсмены играют по правилам. Так же как некоторые спортсмены прибегают к допингу, так и некоторые вузы используют специальные стратегии по улучшению своих результатов, например издавая недобросовестные коммерческие журналы, которые случайно попадают в такие библиографические базы, как Web of Science и Scopus. Нужно также понимать, что некоторые организации, занимающиеся составлением рейтингов, нацелены не только на объективную оценку качества вузов, но и на извлечение прибыли.

Почему все это становится возможным? Достижение передовых результатов в рейтингах, так же как и в Олимпийских играх, требует абсолютной нацеленности на победу, а потенциальные издержки, связанные с проигрышем, заставляют многих поступиться моральными принципами ради итогового результата.

Citius, altius, fortius: хороший лозунг — плохая игра?

Девиз олимпийского движения — Citius, altius, fortius, то есть «Быстрее, выше, сильнее». Кого может оставить равнодушным такой призыв? Однако если стремления спортсменов могут удовлетворить результаты одного дня соревнований, то процесс оценки качества вузов не может завершиться простым их ранжированием. Стремление университета к акаде-

мическому аналогу олимпийского девиза невозможно реализовать без глубокого понимания сложной, многогранной природы университета и тщательного изучения способов повышения эффективности и своей собственной работы, и работы на благо общества. Это требует постоянных, продуманных, слаженных усилий, даже когда уже оттрубили фанфары и отзвучали гимны победителей. В то же время необходимо понимать, что вовсе не все обязаны участвовать в соревнованиях такого высокого международного уровня, как Олимпиада. Вместо этого они должны продолжать выполнять свое предназначение по повышению доступности высшего образования в своем регионе и решению актуальных задач местного масштаба. Рейтинги, как и Олимпийские игры, — это удел небольшого круга честолюбцев.

Что такое хорошая национальная система высшего образования: уроки рейтинга U21

Росс Уильямс

Росс Уильямс — профессор, исследователь Мельбурнского института прикладной экономики и социальных исследований при Университете Мельбурна (Австралия), руководитель рейтингового проекта Universitas 21 (U21), более подробно узнать о котором можно на сайте www.universitas21.com. E-mail: rossaw@unimelb.edu.au.

Для экономического, социального и культурного развития страны важны не только исследовательские университеты, но и устройство и качество системы высшего образования в целом. Однако международные университетские рейтинги учитывают в первую очередь показатели, отражающие результаты научной деятельности, а преподавание и деятельность, направленную на развитие местного сообщества, обычно игнорируют. Эти рейтинги оказывают большое влияние на развитие вузов, особенно в Европе, Азии, Австралии и Океании, в результате чего многие вузы теряют свои уникальные черты и становятся похожими на другие.

Методология рейтинга U21

В 2012 году в попытке сместить фокус обсуждения с конкретных вузов на уровень систем высшего образования университетский консорциум U21 запустил проект по оценке качества работ национальных

систем послешкольного образования, т.е. всех учреждений, которые предлагают как минимум двухгодичные образовательные программы для выпускников школ. Исследователи рассматривают 50 стран с самым разным уровнем среднедушевого дохода — от Индии и Индонезии до развитых государств. Они оценивают деятельность этих стран по 25 показателям, объединенным в четыре кластера: 1) ресурсы; 2) политический климат; 3) уровень вовлеченности/взаимодействия; 4) отдача. К первому кластеру относятся такие переменные, как объем частных и государственных средств, выделяемых на высшее образование, по отношению к ВВП страны и объем расходов в пересчете на одного студента. Ко второму — степень финансовой и академической независимости образовательных учреждений, их разнообразие, система мониторинга стандартов качества, взгляды представителей бизнес-сообщества. К третьему — взаимодействие с промышленным сектором, количество публикаций, подготовленных совместно с представителями компаний и международными партнерами, взаимодействие с промышленностью, представленность в онлайн-ресурсах, внимание, уделяемое иностранным студентам. А к последнему — научная продуктивность, доля продолжающих образование, репутация трех лучших вузов страны. У нас нет сравнимых данных о качестве выпускников в различных странах, но есть данные, отражающие степень их востребованности обществом, которая измеряется как уровень безработицы среди выпускников вузов по отношению к общему количеству людей, оканчивающих школу.

В 2012 году в попытке сместить фокус обсуждения с конкретных вузов на уровень систем высшего образования университетский консорциум U21 запустил проект по оценке качества работ национальных систем послешкольного образования...

Значения всех показателей нормализованы относительно страны, показавшей наилучшие результаты (100 пунктов). Для каждого кластера складываются взвешенные показатели (до 100 пунктов), чтобы в итоге сложилась общая оценка для каждой страны, которая

и определяет ее положение в финальном рейтинге. Вес четвертого кластера в итоговой оценке составляет 40%, остальные три оцениваются в 20% каждый. Проблема этого рейтинга (но не самой системы оценки) заключается в том, что он включает в себя ограниченный набор стран, а значит, образовательные системы стран из нижней части списка могут оказаться переоценены.

Использование результатов измерения

Как и в случае с университетскими рейтингами, в рейтинге U21 СМИ обычно интересуются лишь итоговыми результатами, но наиболее показательны конкретные переменные и кластеры, а также их соотношение. Именно эта информация могла бы стать полезной для тех, кто определяет вектор развития образования.

Качественная национальная система высшего образования формируется при наличии благоприятного политического климата и адекватных ресурсов. Если посмотреть на корреляцию баллов по первым двум кластерам, оценивающим вложенные ресурсы, и по двум другим, оценивающим результаты, можно сделать интересные выводы. Доля получающих высшее образование существенно коррелирует с объемом средств, вливаемых в образовательную систему, вне зависимости от того, преимущественно государственные ли это средства (как в странах Скандинавии) или частные (как в Корее). С другой стороны, научная производительность коррелирует с тем, сколько вузы тратят на исследования, а это в основном бюджетные средства. Совокупная эффективность образовательной системы оценивает итоговую отдачу от вложенных страной ресурсов. Можно привести два примера стран с высокой научной продуктивностью, но относительно низкими стартовыми ресурсами. Это Великобритания и Китай. Правительства обеих стран поддерживают лишь избранные вузы, что позволяет предположить, что это действенный способ повысить научную продуктивность. Показатели третьего кластера также высоко коррелируют с уровнем ресурсообеспеченности.

Конвергенция между странами?

Рейтинг U21 выходит четыре года, и уже можно заметить некоторые тенденции. Показатели большинства стран постоянно улучшаются, то есть, чтобы повысить свою итоговую позицию, страна должна развиваться быстрее других. На основании имеющихся данных мы пока не можем делать выводы о конвергенции национальных систем высшего образования. Если оценивать конвергенцию как стандартное отклонение от итоговых показателей, то можно заметить, наоборот, небольшое расхождение между странами с течением времени. Конвергенция наблюдается лишь по третьему кластеру. Но это общие выводы, за которыми

не видны взлеты и падения отдельных государств. Наибольшего прогресса добились Китай и ЮАР, стоит отметить также Чили и Венгрию. А Украина, Болгария, Сербия, Греция, Испания и Турция сдали свои позиции. Наблюдается конвергенция по отдельным показателям — например, с точки зрения доли молодых людей, получающих высшее образование, и объема средств в системе относительно ВВП страны.

Какие системы лучше?

Так какая же система высшего образования самая лучшая? Выделить одну модель сложно. Преуспевают скандинавские страны, где вузы довольно близко взаимодействуют с государством и бизнесом и где в науку вкладываются большие средства, то же относится и к Швейцарии, вузы которой вовлечены в жизнь местного сообщества и в международную деятельность. Вопрос о том, возможна ли и вообще нужна ли подобная система высшего образования в крупной стране с более сложными связями, остается спорным. С другой стороны, система высшего образования, сложившаяся в США, значительно отличается от систем указанных выше стран, так как она в меньшей степени зависит от государственной помощи, но при этом она заняла в рейтинге первое место. В любом случае основной вывод один: хуже всего с высшим образованием дело обстоит в тех странах, где государство в значительной степени управляет вузами, но при этом выделяет мало средств на их поддержку.

При выработке национальной политики правительства должны ориентироваться на страны схожего размера и со схожим уровнем дохода. Признаки «хорошей» системы высшего образования отчасти зависят от размера среднедушевого дохода в стране. В случае если он низок, необходимо в первую очередь вкладываться в преподавание и обучение, а ученые должны знакомиться с новейшими идеями и способствовать их распространению. Существует также дополнительный рейтинг U21, где страны ранжированы в соответствии с уровнем ВВП на душу населения, и Китай, Индия и ЮАР занимают в нем существенно более высокие позиции.

Интересно было бы посмотреть, как включенные в рейтинг параметры связаны с экономическим ростом, но из-за длительного лага, необходимого для накопления такой информации, для анализа этого вопроса нужно подождать еще несколько лет. В идеале нужно было бы включить в анализ больше стран с низким доходом, но для этого необходимы более качественные данные.

Высшее образование в Латинской Америке и рейтинг U-Multirank

Ана Гарсиа де Фанелли

Ана Гарсиа де Фанелли — старший исследователь Национального совета по научно-техническим исследованиям (CONICET) Центра изучения государства и общества (CEDES) в Буэнос-Айресе (Аргентина). E-mail: anafan@cedes.org.

Первый этап проекта U-Multirank был запущен в 2014 году. U-Multirank — это многомерный и пользовательско-ориентированный подход к ранжированию университетов, в котором участвуют более 850 вузов со всего мира, ряд которых расположен в Латинской Америке. Эта инициатива реализуется при финансовой поддержке Европейского союза.

В отличие от других международных рейтингов, таких как Шанхайский или рейтинг Times Higher Education, основным предметом измерения которых является научная активность, U-Multirank оценивает также ряд других аспектов университетов: обучение и преподавание, трансфер знаний, интернационализацию, влияние на жизнь региона. Ключевым отличием этого рейтинга является то, что пользователи могут самостоятельно выбирать параметры сравнения вузов. Помимо традиционных источников данных, используемых составителями и других рейтингов, таких как библиометрические и патентные базы данных, U-Multirank собирает сведения, предоставляемые университетами (через заполнение анкеты) и студентами (через проведение опроса).

К сожалению, результаты по показателям, не связанным с научной деятельностью, доступны только для очень небольшого числа латиноамериканских университетов. В этой статье обсуждается вопрос о том, смогут ли в ближайшем будущем к этой интересной и полезной инициативе присоединиться новые университеты региона. Мы также проанализируем схожие латиноамериканские проекты, использующие данные, аналогичные данным институциональной анкеты U-Multirank.

Аналогичные проекты в Латинской Америке

В результате распространения международных наукоориентированных университетских рейтингов латиноамериканские университеты начали участвовать в различных проектах национального и международного уровня, для того чтобы иметь возможность проанализировать данные и индикаторы, демонстрирующие различные аспекты их работы и ее результаты.

Профинансированная Европейской комиссией в рамках программы ALFA («Академическая подготовка в Латинской Америке») интегрированная информационная система высших учебных заведений Латинской Америки предназначена для создания единого с Европой образовательного пространства (INFOACES) и имеет схожие с U-Multirank задачи. В сеть INFOACES входят 33 вуза из 23 стран (18 в Латинской Америке и 5 — в Европе). Координатором проекта является Политехнический университет Валенсии (Испания). Сайт INFOACES предоставляет университетам базовую информацию о вузах и их сайтах, количестве студентов (или о количестве студентов на каждой программе, если такие данные доступны), количестве преподавателей, а также перечень предлагаемых образовательных программ по предметным областям. Университеты — участники сети имеют доступ к закрытой базе данных, содержащей информацию, полезную для принятия управленческих решений. У них также есть доступ к платформе PROFLEX — «Гибкость и профессионализм в обществе знаний», которая представляет собой сервис для проведения мониторинга траекторий выпускников через онлайн-опросы.

База данных по высшим учебным заведениям Мексики, которая появилась в результате реализации Национальным автономным университетом Мехико проекта «Сравнительное изучение мексиканских университетов» (EXECUM), позволяет получить материалы для анализа вузов этой страны. Сайт проекта предлагает пользователям сравнительную информацию об образовательной, научной и финансовой деятельности университетов. Он также предоставляет специфические данные, связанные с обеспечением качества, в частности информацию о наличии аккредитованных программ и количестве исследователей, состоящих в Национальной исследовательской сети (SNI). Данные EXECUM по одним аспектам деятельности (например, наука и технологии) более информативны, а по другим (например, преподавание и результаты обучения) значительно менее детальны.

Данные, необходимые для заполнения институционального опросника

Существование таких проектов в Латинской Америке является хорошим основанием для стимулирования участия вузов в U-Multirank. Однако институциональные анкеты содержат ряд вопросов, касающихся преподавания и финансирования, ответы на которые в университетах Латинской Америки найти довольно сложно.

К примеру, недоступными, как правило, оказываются развернутые данные о количестве международных студентов (особенно об участниках входящей мобильности и обменных программ), количестве студентов, получающих стипендии, и тех, кто окончил обучение в установленный срок. В большинстве вузов Латинской Америки, за исключением нескольких чилийских, отсутствует система, позволяющая отслеживать занятость выпускников и продолжение ими образования.

U-Multirank оценивает такие аспекты деятельности университетов, как обучение и преподавание, трансфер знаний, интернационализация, влияние на жизнь региона.

Некоторые университеты отслеживают траектории выпускников отдельных образовательных программ, но делают это несистематически. Сложно получить и определенные финансовые данные, например об объеме совокупного дохода в разбивке по категориям (основной бюджет, оплата обучения, оплата исследований из внешних источников, доход от лицензионных соглашений). Это особенно сложно для частных вузов. Наконец, не до конца понятно, как именно распределяется бюджет латиноамериканских университетов между исследованиями, обучением и трансфером знаний. Конечно, нужно учитывать, что качество и объем доступных статистических данных о высшем образовании Латинской Америки зависит от страны и типа вуза.

Заключение

Сложность сбора данных вовсе не означает, что латиноамериканские вузы не могут участвовать в U-Multirank или других аналогичных проектах и развивать прозрачность высшего образования в будущем. Но для этого у вузов должны быть соответствующие стимулы (повышение вероятности получения определенной выгоды, снижение расходов на поддержание прозрачности), которые бы побудили их к участию в таких проектах. Кроме того, у университетов должны быть подходящие для сбора данных технические, человеческие и финансовые ресурсы.

Информация о системе высшего образования обладает всеми признаками общественного блага: она неконкурентная и неисключительная. А если эта информация является общественным благом, то правительство должно гарантировать обществу возможность ее получать. Маловероятно, что латиноамериканские университеты будут по собственной инициативе собирать подробную статистику только ради того, чтобы удовлетворить общественное любопытство. Точнее говоря, они вряд ли захотят регулярно и систематически собирать данные о преподавании, результатах обучения и интернационализации. Для того чтобы добиться этого, правительства стран Латинской Америки должны подключиться к этому процессу путем финансирования и введения других видов поддержки, поощряющих сбор и регулярную публикацию вузами данных о своей работе.

Сирийские беженцы в Европе и высшее образование

Ханс де Вит, Филип Дж. Альтбах

Ханс де Вит — директор Центра по изучению международного высшего образования при Бостонском колледже. E-mail: dewitj@bc.edu.

Филип Дж. Альтбах — исследователь, основатель и первый директор центра. E-mail: altbach@bc.edu.

Постоянно усугубляющийся миграционный кризис в Европе уже на протяжении недель не сходит с первых полос международных СМИ, но, к удивлению, вузовское сообщество только начинает осознавать значение этого кризиса и те проблемы, которые он с собой несет. Пришло время поговорить о том, как миграционный кризис повлияет на высшее образование.

К беженцам последнего времени (преимущественно из Сирии, но также из Эритреи, Ливии, Афганистана, Ирака, с курдских территорий), количество которых исчисляется сотнями тысяч, необходимо добавить довольно большое число тех, кто в предшествующие годы перебрался в Европу из Африки. Мотивы столь масштабной миграции как политические, так и экономические: беженцы спасаются от терроризма, гражданских войн и бедности в своих родных странах. На протяжении нескольких лет попытки африканских беженцев пересечь Средиземное море воспринимались в основном как человеческая трагедия, ставшая результатом экономических испытаний, и получали очень ограниченную поддержку со стороны правительства и жителей принимающих стран. Новая волна беженцев с Ближнего Востока, особенно из Сирии, была встречена более положительно, по крайней мере в Западной Европе (и менее положительно в ряде центрально- и восточноевропейских стран, например в Венгрии).

Кадровый потенциал беженцев с Ближнего Востока

Почему так получилось? Во-первых, сирийцы бегут от ужасных преступлений, совершаемых правительством Асада и Исламским государством (организация запрещена на территории Российской Федерации. — *Ред.*) против мирного населения. Они воспринимаются скорее как жертвы политических конфликтов (к чему в принимающих странах относятся с сочувствием), чем как просто экономические беженцы. Так же относятся и к тем, кто бежит с курдских и иракских территорий. Кроме того, беженцы из этих стран считаются в среднем более образованными, а значит, можно предположить, что им будет легче интегриро-

ваться в европейское общество и найти свое место на рынке труда в принявших их странах. В современных условиях конкуренции за таланты эти беженцы рассматриваются не только как жертвы и источник расходов для местной экономики, но и в долгосрочной перспективе как ресурс для появления новых талантов для экономики знаний.

Многие СМИ отмечают, что свободно говорящие по-английски молодые ближневосточные специалисты выражают надежду на то, что им удастся продолжить обучение или получить квалифицированное рабочее место и внести свой вклад в европейскую экономику.

Несмотря на проблемы с квотами и востребованностью рынка труда, Германия уже оценила этот потенциал, другие европейские страны тоже начинают размышлять об изменении соответствующей политики. И хотя в официальном дискурсе сегодня доминируют аргументы гуманитарного характера, немецкие власти уверены в том, что беженцы могут принести большую пользу экономике Германии и других европейских стран как в краткосрочной, так и в долгосрочной перспективе. Немецкие вузы готовы принять на обучение около 10 000 человек из числа 800 000 беженцев, находящихся сейчас в стране.

На данный момент потенциальную проблему утечки мозгов из Сирии и Ирака практически не обсуждают. Сиюминутные задачи затеяют долгосрочные вопросы, и большинство европейских и других развитых государств не заботится о моральном аспекте оттока молодых талантов из бедных стран. Исследователи много пишут о «проценте осевших», об использовании иностранных талантов вне зависимости от страны их происхождения. Хотелось бы думать, что, когда ситуация наладится, образованные сирийцы и иракцы вернутся домой, но статистика говорит о том, что так поступает лишь небольшой процент беженцев.

Задачи, трудности и возможности академического сообщества

В некоторых странах студенты, ученые, университеты и правительства уже начинают думать о том, как интегрировать молодых сирийских и других ближневосточных студентов, ученых и преподавателей, находящихся в статусе беженцев, в академическое сообщество. Это может быть сделано за счет увеличения количества стипендий, ускорения процедур признания иностранных дипломов, организации программ изучения языков и предоставления общежитий. Такие организации, как Германская служба академических обменов (DAAD), Нидерландская служба по международному сотрудничеству и интернационализации в образовании (EP-Nuffic) и Институт международного образования (США), могут внести весомый вклад в вопросах привлечения внимания образовательного сообщества к проблемам интеграции беженцев и оказать содействие в выделении стипендий и решении организационных задач.

Мотивы столь масштабной миграции как политические, так и экономические: беженцы спасаются от терроризма, гражданских войн и бедности в своих родных странах.

Университеты сами по себе играют главную роль в решении этих вопросов. Они могут решать многие проблемы быстро и независимо. Они могли бы упростить связанные с приемом процедуры, выделить часть мест для обучения беженцев, предоставить психологическую и другую необходимую помощь студентам и их семьям. Поскольку у большинства беженцев не хватает документов для подтверждения уровня их образования, вузы могли бы предложить им тестирования или иные способы для определения подходящих программ. Многим нужны языковые курсы и тренинги, связанные с культурными особенностями.

Все это требует кадровых и финансовых ресурсов. Это непростая задача в условиях экономического спада, но правительства и неправительственные организации, такие как Европейский союз, могли бы и должны помочь в этом.

Нужно упомянуть и еще об одной проблеме, которая является предметом особой озабоченности правительств США и Великобритании, а возможно, и правительств других стран. Речь идет о необходимости удостовериться в том, что поступившие в вузы беженцы действительно сосредоточены на учебе и не представляют угрозы для безопасности. Этот вопрос особенно остро стоит в США, которые до сих пор не оправались от трагедии 11 сентября.

Активное участие вузов в преодолении нынешнего кризиса будет иметь позитивное влияние на интернационализацию и повышение участия академического сообщества в социальных вопросах.

Есть планы по созданию в ближневосточном регионе специальных вузов для беженцев. Известно уже о трех инициативах мусульманских организаций по открытию подобных вузов в Турции. Основная сложность в реализации этих планов состоит в поиске подходящих преподавателей, для того чтобы гарантировать непрерывное и качественное обучение. Задача создания университета с нуля сама по себе очень сложная и затратная. А создать вуз для студентов, переживших такую серьезную травму, будет особенно проблематично.

Заключение

Эти инициативы заслуживают похвалы, но они сопряжены с огромными сложностями. Как писала в Al-Fanar Media Рихам Куса (статья от 01.09.2015), дилемма, стоящая перед потенциальными студентами, заключается в выборе между оплатой услуг посредников за помощь в переправке в Европу или поиском стипендии. К сожалению, вероятность успешного развития событий по первому сценарию значительно выше, чем по второму. Задача, стоящая перед академическим сообществом европейских и других стран, состоит в повышении доступности высшего образования для беженцев.

Чем дольше кризис продлится, тем сложнее будет обеспечить условия для получения высшего образования беженцам и тем серьезнее окажутся последствия утечки мозгов. Как показывает опыт, беженцы, которые давно уехали из своей страны и хорошо интегрировались в новое общество, уже вряд ли вернутся домой. Но это не значит, что академическое сообщество не должно помогать сирийским беженцам, открывать дополнительные места, давать студентам дополнительные стипендии, создавать новые позиции для ученых и т.д. Это относится не только к Европе и Северной Америке, но и к другим регионам, в особенности к таким арабским странам, как Саудовская Аравия, ОАЭ, Катар, которые до нынешнего времени почти никак не помогали беженцам и практически полностью переложили это бремя на Ливан и Иорданию.

Немецкие университеты открывают двери беженцам

Саймон Моррис-Ланге, Флоринда Брандс

Саймон Моррис-Ланге — заместитель руководителя исследовательского отдела Экспертного совета немецких фондов интеграции и миграции (SVR), Берлин, Германия. E-mail: morris-lange@svr-migration.de.

Флоринда Брандс — эксперт по миграционной политике, Берлин, Германия. E-mail: florinda.brands@gmail.com.

Мнения авторов статьи могут не совпадать с позицией SVR.

В последние месяцы Европу и особенно Германию наводнили потоки беженцев. Только за 2015 год в страну приехало самое большое в истории число людей, близкое к миллиону, что стало проблемой для чиновников

миграционных служб, которые не справляются с таким объемом работы. С другой стороны, там, где являются большие проблемы, рождаются и большие возможности: большинство беженцев — это люди моложе 25 лет, а значит, они могут помочь омоложению стареющего населения Германии. Многие беженцы учились в вузах, до того как покинуть свою страну, или планировали получить высшее образование. Их стремления не остались незамеченными, и многие немецкие вузы открывают им свои двери. Впрочем, большинство беженцев пока могут лишь мечтать о высшем образовании в силу, на их взгляд, непреодолимых правовых и финансовых препятствий. Если Германия не снимет эти барьеры сегодня, завтра она столкнется с проблемой неинтегрированности новых иммигрантов в немецкое общество, так как около 35% из них планируют остаться в стране надолго.

Правовые барьеры

Пока в дискуссии о порядке работы с беженцами и их интеграции в общество доминируют аргументы гуманитарного характера, однако уже заметен кардинальный сдвиг парадигмы: теперь проблема беженцев в Германии обсуждается в свете будущих потребностей рынка труда. В связи с этим многие критикуют принятую в стране длительную процедуру рассмотрения заявлений на получение статуса беженца, потому что тысячи энергичных молодых людей вынуждены страдать от безделья, в то время как могли бы учиться и таким образом интегрироваться в национальный рынок труда. В среднем беженцы ждут результата рассмотрения документов по 5,3 месяца, прежде чем они узнают, получили ли они право свободно передвигаться по стране и искать работу.

В августе федеральное Министерство образования и науки пообещало зарезервировать 2400 дополнительных мест в колледжах предвузовской подготовки, где иностранные студенты готовятся к поступлению в немецкие университеты.

Строго говоря, поступить в вуз в Германии проще, чем во многих других странах Европы. Уже сегодня беженцы могут без всяких ограничений поступать в вузы на бесплатные программы. Начиная с августа

2015 года правительства всех 16 федеральных земель разрешают вузам зачислять беженцев, чьи документы еще находятся на рассмотрении. Однако в университетских аудиториях можно увидеть очень немногих из них. Отчасти это связано с тем, что беженцы, которые еще не получили официальное решение, ограничены в праве выбора места жительства (Wohnsitzauflage) и обязаны жить в том административном районе, где они зарегистрированы. Не во всех районах есть вуз, не во всех вузах есть интересующие беженцев специальности. Соответственно, прежде чем поступать в интересный им вуз, расположенный в другом районе, они должны получить разрешение на переезд туда. Успешные прецеденты есть, но они связаны с такой бумажной волокитой, что большинство абитуриентов даже не пытается ее преодолеть. Те же немногие, кто предпринимает такие попытки, обычно не могут подтвердить, что соответствуют необходимым для поступления требованиям. Как правило, иностранные абитуриенты обязаны предоставить при поступлении школьный аттестат или диплом о предыдущем образовании, который должен быть признан эквивалентным аналогичному немецкому документу. Поэтому, даже если беженцу удалось привезти с собой в Германию необходимые бумаги, приемная комиссия может признать их неудовлетворительными.

Финансовые барьеры

Помимо правовых барьеров беженцы сталкиваются и с финансовыми. Хотя высшее образование в Германии по-прежнему бесплатно (оплачивается только административный сбор в размере 100-300 евро раз в два года), студенты должны покупать учебные материалы и оплачивать расходы на проживание, на что требуется около 800 евро в месяц. В то же время беженцы в течение первых 15 месяцев после получения официального статуса (на что уходит иногда более года) не имеют права работать. То есть подавляющее большинство из них довольствуется неденежными льготами и ежемесячным государственным пособием в размере 212 евро. До получения официального статуса беженцы не могут претендовать и на участие в государственной стипендиальной программе (BAföG). И хотя правительство пообещало недавно ускорить процедуру рассмотрения заявлений на статус беженца, потенциальные абитуриенты все равно не смогут подать заявку на BAföG раньше чем через 15 месяцев с начала проживания в стране (еще недавно этот порог составлял 4 года). И наконец, ограничения по открытию беженцами банковских счетов делают ситуацию еще более сложной и затрудняют возможность получения стипендий, оплаты жилья и обучения.

Новые решения

Федеральное правительство, правительства земель, университеты и представители гражданского общества выступили с предложениями, которые позволили бы убрать вышеперечисленные и другие препятствия.

В августе федеральное Министерство образования и науки пообещало зарезервировать 2400 дополнительных мест в колледжах предвузовской подготовки (Studienkolleg), где иностранные студенты готовятся к поступлению в немецкие университеты. Одновременно с этим правительства земель Нижняя Саксония и Саар согласились отменить формальные требования к поступлению для беженцев, которые окончили Studienkolleg и хорошо владеют немецким языком. Правительство земли Баден-Вюртемберг выделило 50 стипендий в размере до 750 евро в месяц студентам из Сирии, получившим официальный статус беженцев. Кроме того, десятки таких вузов, как Университет Хильдесхайма и Байройтский университет, приглашают беженцев на курсы немецкого языка. Некоторые пошли еще дальше: Мюнхенский университет Людвига — Максимилиана начал зачислять беженцев в качестве студентов по обмену, так что они могут учиться и получать кредиты, даже не владея немецким. Развиваются и общественные инициативы, например Kiron — бесплатный онлайн-университет для беженцев, который уполномочен выдавать дипломы совместно с традиционными вузами, такими как Ростокский университет.

Благодаря этим и другим инициативам и программам беженцы получают возможность более активно заниматься своим интеллектуальным и профессиональным развитием. Но так как интеграция не односторонний процесс, университеты должны быть готовы помогать студентам из числа беженцев адаптироваться к новой жизни в стенах университета и за его пределами.

.....

Мошенничество и коррупция как ключевая проблема высшего образования

Гулям Мохамедбхай

Гулям Мохамедбхай — бывший ректор Университета Маврикия, бывший генеральный секретарь Ассоциации африканских университетов. E-mail: g_t_mobhai@yahoo.co.uk.

Пожалуй, ни одна сфера жизни не застрахована от фальсификаций и коррупции, включая те, что оказывают прямое влияние на благосостояние общества: здравоохранение, образование, спорт, политика, религия. Высшее образование не исключение. «Коррупция оказывает огромное давление на вузы. /.../ Иногда коррупцией оказываются охвачены целые образовательные системы, что ставит под сомнение

качество научных исследований и репутацию выпускников вне зависимости от того, совершали ли они что-то противоправное или нет». Это цитата из доклада «Глобальная коррупция в сфере образования» за 2013 год организации «Трансперенси Интернешнл». О том, что коррупция проникла в высшее образование, известно не одно десятилетие. Однако ее масштабы и объем всегда недооценивались, также не принимался во внимание и тот факт, что она постоянно усугубляется. Не проходит и недели, чтобы не появилась новая статья о коррупции в высшем образовании. Иногда речь идет не только об отдельных студентах или преподавателях, но и о целых вузах или даже странах. Уже появились международные формы образовательной коррупции, она стала глобальной. При этом нам видна, вероятнее всего, лишь вершина айсберга.

Коррупция в высшем образовании одинаково часто встречается и в развитых странах, и в развивающихся, хотя субъекты коррумпируемых отношений и их мотивация могут отличаться. Говоря простым языком, на Западе коррупция обычно становится результатом коммерциализации высшего образования, превращения вузов в структуры, нацеленные на получение прибыли, а также уплотнения связей между вузами и промышленным сектором, который обычно финансирует и таким образом контролирует науку в вузах. А в развивающемся мире основные формы коррупции — это коррупция при поступлении в престижные вузы на востребованные программы и в процессе обучения. Это связано отчасти со стремлением преподавателей увеличить свой доход и поскорее взобраться вверх по карьерной лестнице.

Глобальный взгляд

Небольшой обзор недавних скандалов в некоторых странах позволяет понять всю тяжесть ситуации.

Австралия. В апреле 2015 года в телевизионной программе Four Corners были раскрыты коррупционные практики в некоторых австралийских вузах, свидетельствующие о подрыве стандартов обучения. В большинстве случаев они были связаны с тем, что вузы в погоне за прибылью стремятся принять как можно больше иностранных студентов, которые не всегда могут самостоятельно сдать все экзамены. Так, некоторые вузы сотрудничали с недобросовестными агентствами по привлечению иностранных студентов, другие выпускали плохо подготовленных или вообще неквалифицированных медсестер. Кроме того, оказалось, что в ряде вузов процветает плагиат и списывание. Передача получила название 'Degrees of Deception'. А в 2014 году всплыла история о мошенничестве и коррупции в австралийском иммиграционном управлении, результатами которых стало то, что тысячи иностранных студентов незаконным образом получили постоянный вид на жительство, а многие выпускники австралийских вузов не смогли найти работу.

Россия. В сентябре 2014 года в онлайн-журнале *International Education Studies* вышла статья о тревожной ситуации в российском высшем образовании. Согласно этой статье, почти половина всех студентов в России — в 2008–2009 году их было около 7,5 млн человек — сталкивалась с коррупцией, при этом авторы добавляют, что «коррупционная составляющая в сфере высшего образования сравнима с бюджетом небольшой страны». Они перечисляют многочисленные примеры коррупционных практик, в частности упоминают о случае, когда декан получил взятку в размере 30 000 евро за поступление в аспирантуру, и о том, что, по данным московской полиции, ежегодно на взятках попадается 30–40 вузовских преподавателей.

Африка. В мае 2015 года появилась информация о том, что власти ЮАР закрыли 42 псевдовуза, которые предлагали фиктивные или неаккредитованные образовательные программы, причем в их числе было три университета, являвшихся якобы филиалами американских вузов, которые предлагали получить диплом за 15 дней. В Нигерии (а в этой стране самая большая на континенте система высшего образования) в коррупцию обычно вовлечены преподаватели, которые хотят получить повышение, опубликовать статью или книгу, а еще они вымогают у студентов деньги или сексуальные услуги за учебные материалы и оценки. Проведенный в 2012 году анонимный опрос, в котором участвовали 475 студентов из трех вузов Восточной Африки, показал, что почти треть студентов практикуют плагиат, 25% списывают на экзаменах, а 5% даже приходили сдавать экзамены за кого-то другого. Мошенники процветают даже в таких небольших странах, как Республика Маврикий, где появилось два филиала частных индийских университетов, однако они были открыты без санкции индийских властей, а выдаваемые ими дипломы не признаются ни в Индии, ни на Маврикийи. Процесс роспуска этих вузов уже начался.

Китай. В 2015 году в онлайн-журнале *International Higher Education* вышла статья о коррупции в китайском высшем образовании, где коррупцию называют «злокачественной опухолью» системы и говорят о том, что начиная с 1990-х годов она оказывает большое влияние на деятельность китайских вузов. Китайские ученые занимаются плагиатом и присваивают себе научные гранты, а в кадровой политике доминирует протекционизм. Раньше у преподавателей в Китае был очень высокий статус, а по уровню заработной платы и условиям труда их можно было сравнить с высокопоставленными чиновниками. Но в 1998 году была введена 6–8-уровневая система оплаты труда, аналогов которой нет больше нигде в мире. Следствием этого стало значительное увеличение количества и снижение статуса преподавателей, а также то, что карьерный рост стал нередко основываться на связях, а не на академических достижениях. А резкое увеличение количества аспирантов привело к появлению коррупционной практики при получении разрешения Министерства образования на открытие новых программ аспирантуры.

Коррупция в высшем образовании одинаково часто встречается и в развитых странах, и в развивающихся, хотя субъекты коррумпируемых отношений и их мотивация могут отличаться.

Индия. Самый, пожалуй, возмутительный коррупционный скандал — это вьяпамская афера, о которой стало известно совсем недавно. Вьяпам — это государственный орган штата Мадхья-Прадеш, который занимается проведением экзаменов для кандидатов на госслужбу и вступительных экзаменов в вузы, включая медицинские (спрос на медицинское образование очень высок). Информация о том, что во Вьяпаме не все чисто, появлялась и раньше, но масштаб мошенничества никто и представить себе не мог: в этой афере были замешаны различные политики, бизнесмены, чиновники и еще 2500 человек, которые сдавали экзамены за других. Было произведено более 2000 арестов. Хуже того, десятки людей, вовлеченных в этот скандал, погибли: некоторые покончили жизнь самоубийством, а другие, возможно, были убиты. В настоящее время делом занимается Центральное разведывательное управление Индии.

Лжеуниверситеты

Получили большую известность организации, которые продают поддельные дипломы, и лжеуниверситеты, которые выдают дипломы людям, не проучившимся практически ни дня. Иногда даже политики, религиозные лидеры или другие высокопоставленные лица покупают поддельные дипломы, причем это случается как в развивающихся, так и в развитых странах. Большинство лжеуниверситетов расположено либо в Северной Америке, либо в Европе, остальные же разбросаны по различным уголкам мира. Существуют вузы, которые просто работают без аккредитации или по псевдоаккредитации, выданной липовой организацией.

Пока попытки приостановить деятельность подобных вузов не привели к большому успеху. В ЮНЕСКО создали полезный портал, который содержит список настоящих вузов в различных регионах мира, а в «Википедии» можно найти алфавитный список лжеуниверситетов и псевдоаккредитационных агентств. Это, конечно, тоже полезная информация, но полностью

доверять данным «Википедии» нельзя, к тому же ее составители сами признают, что их список может быть неполным. Пока ни одна организация не взялась за то, чтобы составить и опубликовать полный список фирм, которые продают дипломы и аккредитации. Во-первых, скорее всего, это бы имело определенный юридический и политический резонанс, а во-вторых, по-видимому, такие лжевузы сложно «поймать», потому что они быстро появляются и быстро исчезают.

Возможные варианты действий

Борьба с коррупцией в высшем образовании — это тяжелейшая задача, потому что в коррупцию оказывается вовлечено огромное число людей из самых разных организаций за пределами образовательного сектора. Тем не менее прекращать эту борьбу нельзя, потому что иначе нас ждут очень серьезные последствия как на национальном, так и на глобальном уровне. Есть несколько шагов по противодействию коррупции в высшем образовании, которые могут и должны быть предприняты на институциональном, национальном и глобальном уровне, и опыт этой борьбы необходимо обсуждать в самом широком контексте.

Университет Найроби (Кения) разработал собственную антикоррупционную стратегию, которая охватывает все сферы деятельности вуза, но особое внимание уделено процессу преподавания и проведения экзаменов. Начиная с 1990-х годов в Университете Маврикия используется прозрачная, полностью компьютеризированная система отбора абитуриентов, основным критерием которого являются оценки в аттестате. Существуют специальные компьютерные программы, позволяющие выявлять плагиат, например Turnitin, а есть и бесплатные онлайн-аналоги, такие как PlagTacker или Anti-Plagiarism. Небольшой частный Университет Бото (Ботсвана) создал Управление академической этики, которое разработало специальную стратегию по борьбе со студенческим плагиатом и успешно справилось с этим явлением благодаря использованию программы Turnitin.

Если рассматривать ситуацию на глобальном уровне, то организация «Трансперенси Интернешнл» открыла антикоррупционную «службу поддержки», подписчики которой могут по запросу получить интересующую их информацию по любой теме, связанной с коррупцией. В Центре по изучению международного высшего образования при Бостонском колледже был запущен онлайн-обозреватель по вопросам коррупции в сфере высшего образования, который содержит постоянно обновляемые материалы (статьи, заметки, видео и т.д.) по теме. ЕПСО, онлайн-платформа Международного института образовательного планирования (ИЕР) ЮНЕСКО, посвящена вопросам этики и коррупции в образовании, в том числе высшем. На сайте расположенного в США Совета по аккредитации высшего образования (СНЕА) есть профильная секция, которая посвящена лжеуниверситетам и псевдоаккредитационным агентствам. В 2009 году

СНЕА и ЮНЕСКО выпустили совместное заявление, в котором они призвали бороться с подобными недобросовестными организациями. А в июле 2015 года Международная группа по контролю качества СНЕА опубликовала аналитическую записку о роли системы контроля качества в противодействии образовательной коррупции.

В марте 2015 года ИЕР провел Стратегический форум по этике в высшем образовании, на котором собралось около 60 экспертов со всего мира, чтобы обсудить передовые инициативы в борьбе с образовательной коррупцией и мошенничеством. Участники форума призвали к созданию международной коалиции по вопросам этики в высшем образовании. Действительно, пришло время сформировать такую коалицию и разработать стратегии и меры по борьбе с неправомерными практиками. Возможно, инициатором ее создания следовало бы стать «Трансперенси Интернешнл», и в нее должны войти все основные организации и ассоциации, которые имеют опыт борьбы с коррупцией в высшем образовании. Члены коалиции должны руководствоваться тем, что образование — это основанное на ценностях общественное благо, а не бизнес.

.....

Деструктивная академическая культура в странах Восточной Азии

Ян Жуй

Ян Жуй — профессор, директор Центра сравнительных исследований в области образования Университета Гонконга, Китай. E-mail: yangrui@hku.hk.

Недавний взлет восточноазиатских вузов впечатлил все мировое академическое сообщество. Это одновременно объективный и субъективный феномен. Бурление, происходящее в этой связи в СМИ и научной литературе, должно быть тщательно проанализировано. Вопрос о реальном потенциале вузов Восточной Азии и о том, смогут ли они преодолеть гегемонию западного образования, по-прежнему актуален. Признавая огромный коллективный прогресс, которого достигло высшее образование стран Восточной Азии в последние годы, нельзя забывать и о проблемах, которые перед ним стоят. Пока мало говорят о том, какое влияние на него в будущем может оказать сложившаяся в регионе деструктивная академическая среда.

Нескончаемые проблемы

Академическая культура подразумевает ценности, представления и убеждения по отношению к своей профессии, которые объединяют преподавателей и ученых. Она оказывает огромное влияние на то, что они делают, как и с кем, как принимают решения, как действуют, как коммуницируют друг с другом — на практическом и символическом уровне. При описании академической культуры университетов Восточной Азии используют такие понятия, как «честность», «этика», «недобросовестное поведение» и даже «коррупция». Академическая культура нередко рассматривается как основной барьер, не позволяющий восточноазиатскому высшему образованию стать лучшим в мире. Коррупционность вредит репутации вузов и академического сообщества. В большинстве стран Восточной Азии не сложилось академической культуры, которая была бы основана на ценностях меритократии, свободы и состоятельности.

Вузы региона давно известны случаями недобросовестного поведения как среди студентов, так и среди сотрудников. Как показывают исследования, это явление постепенно набирает обороты в Гонконге и на Тайване. Южнокорейцы прозвали свою страну «республикой плагиата». Наибольших в мире успехов по построению социальной системы, которая гарантирует честное и порядочное поведение, добились, пожалуй, японцы, но и японские вузы не застрахованы от проявлений ненадлежащего образа действий: в 2000-х годах широко обсуждался целый ряд резонансных случаев недобросовестного поведения среди ученых, а недавно японский академический истеблишмент поразил скандал с Харуко Обоката, которую уличили в подтасовке данных, подделке изображений и плагиате.

Особенно остро эта проблема стоит в Китае. Академическая культура там начала приходить в упадок еще в 1990-х годах, и этот процесс глубоко затронул всю систему высшего образования страны, включая ведущие региональные и национальные вузы, и все аспекты ее функционирования. Отражая ситуацию в обществе в целом, недобросовестность в академической среде принимает самые различные формы, и в этом участвуют и студенты, и преподаватели, и исследователи, и руководители вузов. Получение административной позиции в вузе или должности государственного чиновника несет в себе гораздо большую материальную выгоду, чем просто академическая работа. Из-за этого китайские преподаватели и ученые все чаще гонятся за административными должностями, вместо того чтобы заниматься своими прямыми обязанностями.

Разрушающий эффект

В сложившейся коррупционной академической культуре огромную роль играет понятие «гуаньси» (блат, связи) — наличие связей с высокопоставленными чиновниками. «Гуаньси» ограничивает свободу перемещения преподавателей, сотрудников и ресурсов,

в том числе карьерное продвижение преподавателей. Решения принимаются не исходя из принципов меритократии, а на основе личных связей и предпочтений. Ученые часто занимаются фальсификацией данных и плагиатом. Те, кто находится на самых высоких позициях, получают самые крупные исследовательские гранты. Поскольку добросовестным людям мало что достается, многие преподаватели и ученые стараются найти способы быстрых заработков и расходуют свою энергию на задачи, далекие от академических достижений. Токсичность академической культуры оказывает негативное влияние на развитие высшего образования и модернизацию всего региона, приводит к перекосам и потере эффективности на институциональном и системном уровне. Она отрицательно сказывается на нравственном облике отдельных людей и моральном состоянии целых вузов, разрушая академическую атмосферу и развращая молодые студенческие умы. Эта проблема достаточно серьезна, для того чтобы существенно задержать научное развитие региона.

Государство заметило масштаб проблемы и стало принимать меры по предотвращению недобросовестного поведения в науке. В начале 2000-х годов правительство Китая начало укреплять нормы академического поведения, вводя новые правила и стандарты, создавая специальные агентства, издавая различные директивы, организуя национальные форумы и семинары, а также продвигая международное сотрудничество. В результате роста осознания этой проблемы некоторые университеты Восточной Азии начали создавать специальные подразделения по борьбе с академическими подтасовками и коррупцией. Можно предположить, что какие-то результаты уже достигнуты, однако глубина этой проблемы такова, что не стоит ожидать ее искоренения за несколько лет.

Несмотря на то что по Японии прокатилось несколько скандалов, академическая культура этой страны отличается от культуры соседей по региону. Это объясняет, почему Япония — научный лидер региона, подтверждением чему является 21 Нобелевская премия, присужденная ее исследователям за открытия в области естественно-технических наук. В противовес Японии в других странах Восточной Азии не было ни одной Нобелевской премии вплоть до 2014 года.

Вузы региона давно известны случаями недобросовестного поведения как среди студентов, так и среди сотрудников.

Важно также отметить, что первые японские нобелевские лауреаты жили и работали в очень трудный для страны период. Интересно, что единственным ученым Восточной Азии за пределами Японии, получившим Нобелевскую премию, стала в 2015 году представительница Китая. Поскольку отмеченное наградой исследование было выполнено еще в 1970-х годах, когда Китай находился в условиях экономической и политической изоляции, это достижение никак не связано с академической культурой современного Китая.

Заключение

Значение академической культуры нельзя переоценить. Сложившаяся в странах Восточной Азии коррумпированная академическая культура проявляется в каждодневных действиях и наносит прямой ущерб высшему образованию в регионе. Здоровой академической средой может похвастаться только Япония. К сожалению, хотя ситуация и различается в разных странах, в целом коррупция в академическом мире — очень распространенная проблема, которая глубоко укоренилась в обществе и которую вузам не под силу решить самостоятельно. Эта вредоносная академическая культура представляется одним из проявлений ведущей проблемы Восточной Азии, состоящей в том, что университеты не нашли способ совместить «общепринятые нормы» западного высшего образования и традиционные для их страны ценности. Азиаты переняли западную концепцию университета исключительно из-за ее практичности. Основное направление развития восточноазиатских вузов заключается в том, чтобы установить баланс между собственной образовательной традицией и западной, что редко кому удается.

Международное высшее образование и «неолиберальный разворот»

Питер Скотт

Питер Скотт — профессор наук о высшем образовании Института образования Университетского колледжа Лондона (Великобритания). E-mail: P.Scott@ioe.ac.uk.

Изначально международный аспект высшего образования с его упором на академическую и студенческую мобильность и межуниверситетское сотрудничество был самым идеалистическим и даже альтруистиче-

ским. Вузы крупнейших европейских стран, обучавшие представителей элит в колониальные (а затем и постколониальные) времена, способствовали укреплению мифического средневекового идеала о странствующем ученом муже. Бывшие колониальные державы и сейчас помогают развивающимся странам, в том числе предоставляя их гражданам возможность получить высшее образование и развивая местные вузы. Сейчас же международное высшее образование — это очень коммерциализированная и высококонкурентная сфера, в которой доминирует рыночный дискурс и которая во многом определяется международными университетскими рейтингами. Произошедший идеологический и практический поворот настолько резок, что он даже не нуждается в комментариях.

Основная причина этого — так называемый «неолиберальный разворот», который послужил основой для ухода от идей социального государства и социально ориентированного рынка, доминировавших в XX веке, стал ответом на рецессию, спад деловой активности и мировые войны и даже выдержал сложности финансового кризиса 2008 года и последующий мировой экономический спад. В Великобритании сейчас распространено небесспорное мнение о том, что идеалы, ассоциирующиеся с массовым высшим образованием, — демократия, социальная справедливость, личностное совершенствование в викторианском понимании — плохо соотносятся и не совпадают с такими идеалами нашего века, как материальное обогащение, рост, конкуренция. То же самое происходит и на глобальном уровне: на замену прежним идеалам международного образования, таким как солидарность, развитие, взаимопонимание, пришли требования рынка, которые мы в общем описываем приевшимся словом «глобализация».

Три сдвига

«Неолиберальный разворот» может выражаться как в идеологическом аспекте, так и в прагматическом. Неолиберализм включает в себя широкий спектр идей, у которых есть как преданные фанаты, так и умеренные сторонники. Одни считают, что идеология неолиберализма должна стать основной, если не главной движущей силой в развитии высшего образования, а другие — что это неизбежные обстоятельства, с которыми нужно просто смириться. Таким образом, понятие «неолиберальный разворот» не стоит упрощать: это может быть опасно. Можно описать три основные тенденции этого процесса.

Первая наблюдалась в послевоенный период, когда мир постепенно перешел от идеи «социального государства», в основе которой лежала общая память о единении времен мировой войны и экономической депрессии, к идее государства с рыночной экономикой. Это сопровождалось одновременно структурными и культурными переменами. Первые включали в себя снижение налогообложения для частных лиц и последующее увеличение объемов государственных займов (что оказало соответствующее влияние

на финансовые рынки), а также сокращение государственных расходов. Культурные изменения выражались в пересмотре целей существования государства: если раньше государство в традиционном понимании являлось само по себе общественным благом, то вскоре оно стало восприниматься, с одной стороны, в качестве «регулятора», с другой — «заказчика».

Другим важным аспектом «неолиберального разворота» стала глобализация — явление гораздо более сложное и старое, чем полагают многие современники. Более старое потому, что так называемое «международное сообщество» существовало и раньше, а глобальным рынкам уже по крайней мере полтысячи лет. Более сложное потому, что, во-первых, глобализация выражается в разных формах, во-вторых, отношения между глобальными марками и местными культурами далеко не всегда однозначны. Эти другие формы глобализации, в особенности фундаментализм и терроризм (которые, в свою очередь, узаконили страшный для нас феномен полицейского государства), расходятся с господствующими идеями свободного рынка и свободной политической системы. Распространение глобализационного дискурса привело к тому, что даже об услугах стали говорить как о коммерческих товарах. Дискуссия о включении высшего образования в Генеральное соглашение по торговле услугами (GATS) пока приостановлена, но очевидно, что вскоре она возобудится вновь в контексте обсуждения Трансатлантического торгового-инвестиционного партнерства (TTIP) между США и Европейским союзом и связанного с ним Транстихоокеанского соглашения о торговле.

Третий аспект «неолиберального разворота» — это революция средств связи и, говоря более широко, коммуникативной культуры в целом. Она включает в себя много компонентов: распространение социальных сетей, медиатизация политической сферы (появление «звезд» и «брендов» от политики), эрозия традиционной печатной «образованности» (пессимисты пошли бы еще дальше и стали бы сокрушаться о гибели «логоса»), появление виртуальных сообществ (что очень полезно для науки, но не так полезно с точки зрения распространения киберпреступности и киберсекса), выхолащивание традиционных институтов (например, политических партий, профсоюзов), замена традиционной вертикальной иерархии «плоскими» и «мгновенными» связями (благодаря Google et al.).

«Неолиберальный разворот» может выразиться как в идеологическом аспекте, так и в прагматическом.

Влияние на высшее образование

В результате социальный, политический, экономический и культурный контекст, в котором существует высшее образование, в том числе на международном уровне, очень изменился по сравнению с контекстом, в котором почти полвека назад зарождалось массовое высшее образование.

Изменяющаяся природа государства больше не позволяет содержать высшее образование в том же объеме, как это было раньше. Мы привыкли говорить о государственной системе высшего образования, но оба этих понятия — «государственная» и «система» — сейчас размыты: государственность предполагает государственное финансирование, а системность — некоторую степень вертикального планирования в противовес свободе рынков. Неумолимый переход к системе взимания со студентов платы за дорогостоящее обучение еще нельзя назвать свершившимся. Так, некоторые очень различающиеся страны, например Чили и Германия, вернули бесплатное образование. Кроме того, государство снова берет контроль над высшим образованием, что выражается в усилении законодательного регулирования.

Последствия глобализации многочисленны и неоднозначны. Она открыла новые возможности — к примеру, в том, что касается кросс-культурного обучения или международного образования. Но появились и новые барьеры, в частности более жесткий миграционный контроль. И хотя сейчас доминирует форма глобализации, связанная с рыночной свободой, существуют и другие, о которых нельзя забывать. Зарождается движение глобального сопротивления «неолиберальному развороту», а также появляются сообщества людей, которые озабочены различными экологическими, этическими и социальными проблемами.

Наконец, последние перемены в коммуникационной культуре сформировали у студентов новые ожидания от учебы и новые модели обучения, а также поставили под вопрос традиционную структуру высшего образования. Мы наблюдаем бурное развитие массовых открытых онлайн-курсов (МООС), распространение информационных технологий для анализа и подстройки современного высшего образования под потребности студентов, развитие электронных форм обучения и оценивания. Но у информационной революции есть и другие аспекты. Например, появились открытые источники, где можно опубликоваться «мгновенно», возросли возможности по формированию глобальных исследовательских сетей и налаживанию связей с «конечными потребителями» науки, причем они ориентированы в большей степени на появление новых научных сообществ, чем на коммерческие результаты.

.....

ООН, международное высшее образование и информационная дипломатия

Нанетта Свенсон

*Нанетта Свенсон — преподаватель Тулейнского университета (США), консультант при ООН и других международных организациях. Более подробно об ООН и высшем образовании написано в ее книге *The United Nations as a Knowledge System*. E-mail: nanette.svenson@gmail.com.*

В последнее время все чаще говорят о понятии «информационная дипломатия», которое используется для описания разных явлений, в том числе новой роли высшего образования, которое стало инструментом мягкой силы и благодаря которому небольшие страны могут занять более выгодную переговорную позицию, чем та, на которую они могли рассчитывать раньше. В этом контексте нельзя забывать об основном субъекте мировой дипломатии — ООН, потому что именно она играет определенную роль в развитии международного высшего образования, хотя образование и не является основной сферой деятельности этой организации. Будучи заинтересованной в развитии научных исследований и социального обучения, распространении знания от центра к периферии и улучшении связей с общественностью, ООН решила заняться международным высшим образованием. В этой статье анализируется деятельность ООН, предлагаются соображения о том, какие ее аспекты наиболее перспективны с точки зрения достижения заявленных организацией и ее членами целей.

Университетское образование

Значительная часть работы, которую ООН выполняет в сфере международного высшего образования, связана с университетским образованием. Благодаря партнерству с академическими и профессиональными организациями ООН учредила в ряде вузов специальные подразделения и программы, целью которых является расширение академического потенциала вузов и ликвидация разрыва между теорией и практикой в ключевых областях, связанных с глобальным управлением и развитием.

В 1972 году был основан Университет ООН, который является одновременно международным экспертно-аналитическим центром и центром последиplomного образования. Его штаб-квартира расположена в Токио, а существует Университет ООН на деньги японского правительства. Партнерская сеть Университета ООН включает 16 институтов и образовательных

программ в разных странах мира, и все они занимаются вопросами мира и безопасности, прав человека, науки и технологий, управления, устойчивого развития. В основном работа этого вуза заключается в развитии науки в организациях-партнерах, но в 2012 году он также открыл магистерскую программу. Решением Генеральной ассамблеи ООН в 1980 году в Коста-Рике был основан Университет мира, где можно получить диплом специалиста по вопросам мира и безопасности. Университет мира также занимается исследованиями и краткосрочными программами обучения, зачастую вместе с иностранными партнерами. В 1983 году Международная морская организация (одно из специализированных учреждений ООН) основала в Швеции Всемирный морской университет. Появление этого университета было вызвано нехваткой в мире квалифицированных специалистов в области судоходства, которая особенно остро ощущалась в развивающихся странах. В университете можно получить диплом магистра или один из профессиональных сертификатов. В 1988 году Международная морская организация также учредила Международный институт морского права на Мальте, где готовят юристов в области международного морского права и помимо традиционного обучения проводят краткосрочные образовательные курсы. А в 2009 году Центр международного обучения при Международной организации труда открыл совместно с Университетом Турина и некоторыми другими вузами и подразделениями ООН Туринскую школу развития, которая предлагает последиplomное образование в сфере международного трудового законодательства.

Все образовательные программы ООН соответствуют местным и международным стандартам и привлекают преподавателей и студентов со всего мира. Благодаря им начали появляться и другие образовательные программы, связанные с ООН и ориентированные на ее цели. В совокупности за последние три десятка лет они подготовили тысячи студентов, работающих во многих странах, провели множество исследовательских проектов и международных конференций, подготовили научные публикации.

Другие формы образования

ООН не только поддерживает университеты, но и занимается другими, краткосрочными программами в области международного высшего образования, а также способствует укреплению сотрудничества между вузами различных стран. К таким программам относятся инициатива ООН «Взаимодействие с академическими кругами» (ЮНАИ), Модель ООН, стажировки в ООН, а также кафедры и образовательные проекты ООН.

ЮНАИ была запущена в 2010 году, ее цель — улучшить связи между вузами и ООН, способствовать продвижению целей ООН и созданию глобальной сети за мир и развитие (куда входит уже более тысячи образовательных учреждений). Члены этой сети

обязуются выстраивать новые образовательные программы в соответствии с принципами ООН в области обучения, устойчивого развития, глобальной гражданской ответственности и разрешения конфликтов. Так, например, при Центре образования Запорожского национального университета открылся детский сад для детей из неблагополучных семей, а в Корнелльском университете начался набор на программы по изучению международного строительства и развития сельских территорий. Модель ООН — почти что ровесник самой организации. Это образовательная ролевая игра-соревнование, в которой участвуют студенты вузов и учащиеся старших школ. Они знакомятся с принципами и регламентом работы ООН, приобретают исследовательские и ораторские навыки, расширяют свои представления о дипломатии, международном праве и мировой политике. Модели ООН проходят по всему миру и ежегодно привлекают тысячи участников. Организацией стажировок в ООН занимается секретариат, специализированные агентства ООН и региональные образовательные центры, где студенты изучают области, связанные с деятельностью ООН. Студенческие стажировки не оплачиваются, но зато стажеры приобретают опыт и получают зачетные единицы, которые засчитываются образовательными учреждениями при ООН. ЮНАИ, Модель ООН, программа стажировок — все они направлены на то, чтобы познакомить студентов с деятельностью ООН и карьерными возможностями, которые открывает эта организация, а также в идеале воспитать социально ответственную молодежь.

Значительная часть работы, которую ООН выполняет в сфере международного высшего образования, связана с университетским образованием.

ООН также занимается поддержкой академической мобильности и разработкой учебных планов. Благодаря программе ЮНЕСКО по развитию междууниверситетского сотрудничества, например, создана сеть кафедр ЮНЕСКО, формируются международные академические связи. В эту программу вовлечено 650 вузов более чем в 120 странах мира. Она способствует наращиванию образовательного и научного потенциала за счет поддержки академического обмена в областях, непосредственно связанных с практической

деятельностью ЮНЕСКО: образование, наука, культура, коммуникации. Кроме того, сотрудничать с университетами начали и другие учреждения ООН, занимающиеся образованием, просвещением или анализом в определенных сферах. Появилась, например, Международная антикоррупционная академия — совместный проект Управления ООН по наркотикам и преступности и «Интерпола» по профессиональному обучению в области борьбы с коррупцией. А Продовольственная и сельскохозяйственная организация ООН выпускает материалы, посвященные продовольственной безопасности и статистическому анализу, и соответствующие рекомендации для вузов. Эти сервисы особенно широко используются в развивающихся странах.

Потенциал информационной дипломатии

Информационная дипломатия ООН в сфере международного высшего образования начала развиваться относительно недавно и включает широкий спектр деятельности. Но что можно сказать о ее потенциале с точки зрения продвижения идеалов и целей ООН и ее членов? Так как в функции и сферу компетенции ООН не входит высшее образование, качество образовательных программ ООН зависит от государственных и внешних организаций, с которыми она работает. Это дорогой и не всегда разумный подход. К тому же не все признают выдаваемые ООН дипломы, а результаты исследований, проводимых вузами ООН, не получают широкого распространения, из-за чего встает вопрос об экономической оправданности их существования.

Инициативы ООН в области международного высшего образования приводят к наилучшим результатам, если они связаны с актуальными вопросами экономики конкретных стран или актуальными проблемами конкретных образовательных учреждений, а не просто следуют выработанной внутри самой же ООН повестке дня. Таким образом, информационное посредничество ООН в области высшего образования представляется более естественным и эффективным видом деятельности. Тем не менее все страны приветствуют деятельность ООН в области международного высшего образования, которая заключается в выделении финансирования, документировании, информационной поддержке, публикациях и развитии сетей, причем ее потенциал еще не исчерпан. Данные, доступные ООН, ее опыт и инфраструктура совершенно точно могли бы пойти на пользу международному высшему образованию, но как лучше подать и наиболее эффективно продвигать эти ресурсы на рынке — пока не очевидно.

Изменение ландшафта исследований в международном образовании

Дуглас Проктор

Дуглас Проктор — аспирант, изучает проблемы международного высшего образования в Университете Мельбурна (Австралия). E-mail: dproctor@unimelb.edu.au.

Полный текст отчета по результатам исследования, основанного на данных исследовательской базы IDP по теме международного образования за 2011–2013 годы, и инфографика об основных тенденциях за 2011–2014 годы доступны на сайте Международной образовательной исследовательской сети (IERN): www.ieaa.org/iern.

Высшее образование в мире развито неравномерно, и исследования по этой теме имеют топографию, соответствующую образовательному ландшафту. Некоторые крупные исследовательские области в этой сфере еще только предстоит обрисовать.

Проведенный недавно анализ данных исследовательской базы IDP по Австралии показал, что большинство (более 53%) работ, посвященных международному образованию и опубликованных в период между 2011 и 2013 годом, сфокусированы на англосаксонском образовании и, соответственно, рассматривают вузы англоязычных стран. Кроме того, исследователи международного образования обычно пишут именно о высшем/послешкольном образовании, несмотря на то что природа понятия «международное образование» значительно шире. Большая часть исследований фокусируется на студентах, а преподавателям, которые их учат, организациям, куда они устраиваются на работу, и другим широким вопросам образовательной интернационализации уделяется значительно меньше внимания.

Высшее образование в мире развито неравномерно, и исследования по этой теме имеют топографию, соответствующую образовательному ландшафту.

Результаты анализа данных исследовательской базы IDP по теме международного образования повторяют выводы, сделанные в 2014 году составителями третьего глобального реестра исследовательских центров/институтов и образовательных программ из Центра по изучению международного высшего образования при Бостонском колледже: большинство исследований сосредоточено вокруг небольшого круга стран и тем. Это означает, что в области международного образования еще много белых пятен и тем для изучения.

Сбор данных

Проведенный нами анализ основан на данных исследовательской базы IDP по теме международного образования, в которую входит информация более чем о 13 300 книгах, статьях, докладах и отчетах о различных аспектах международного образования со всего мира. В рамках сотрудничества Австралийской ассоциации международного образования и Международной образовательной исследовательской сети был проведен подробный анализ 2511 записей из рассматриваемой базы данных, которые содержали информацию о публикациях, вышедших в 2011, 2012 и 2013 годах.

Конечно, проделанная нами работа не лишена некоторых ограничений. Поскольку она проводилась в Австралии и на средства австралийских организаций, особенно хорошо освещены в нашем исследовании данные именно по этой стране. Однако база данных, к которой мы прибегли, всегда содержала информацию и о публикациях, сделанных в других странах, причем со временем ее охват становился шире. Тем не менее пока она содержит лишь данные о материалах, изданных на английском языке.

Изложенные ниже наблюдения стали результатом подробного анализа целого ряда данных: тип публикации, ключевые слова/фразы, метод исследования, страна, которой оно посвящено. Мы будем оперировать совокупными данными за три года, если не оговорено другое.

Основные результаты

Публикации за 2011–2013 годы содержат в общей сложности примерно 3831 уникальное ключевое слово, то есть в среднем по 7,3 слова на публикацию. 63% ключевых слов встречались лишь по одному-два раза, но анализ наиболее популярных из них позволяет выделить самые злободневные вопросы и новые тренды в области международных образовательных исследований. Мы выявили 21 ключевое слово/фразу, каждое из которых использовалось более 200 раз. Они посвящены международным студентам, интернационализации и студенческой мобильности. Статистика показывает, что с каждым годом эти ключевые слова встречались все чаще, в то время как иные (например, «образовательные рынки» или «культурные различия»), наоборот, реже. Другие распространенные ключевые слова — это «образовательная политика», «мироощущение студентов», «глобализация» и «студенческий опыт».

Каждая запись в базе данных содержит (в соответствующих случаях) информацию о стране или географическом регионе, которому посвящена публикация. В большинстве случаев (но не всегда) авторы пишут о той стране или регионе, где сами находятся. За три года вышли публикации о 142 странах/регионах, при этом 35% из них упоминались всего единожды, а наиболее популярные географические локации — Австралия, США, Великобритания, Китай, Европа и Канада — встречались более 100 раз. Если о США и Великобритании в течение рассматриваемого периода стали писать больше, то об Австралии, наоборот, меньше. Это, без сомнений, связано с включением в базу данных новой информации о публикациях, вышедших за пределами Австралии. Частота упоминаний Китая, Европы и Канады с течением времени практически не менялась.

Если говорить о регионах, то 28,2% всех исследований было посвящено Австралии и Океании, 23,9% — либо Азии в целом, либо какой-либо азиатской стране, Европе — 21,2%, Северной Америке — 16,8%, а другим регионам — Африке, Ближнему Востоку, Латинской Америке и странам Карибского бассейна — и того меньше (в общей сложности менее 10%).

Исследователи международного высшего образования пользуются как качественными, так и количественными методами. Наиболее популярные из них — это анализ кейсов и интервью (20,6% и 17,6% публикаций соответственно). Количественными методами (опросы, обзорные наблюдения, статистический анализ) пользовалось 26,5% авторов. Но популярность интервью и количественных методов в ходе рассматриваемого периода уменьшилась, зато анализ кейсов и сравнительных исследований в 2013 году стало больше, чем годом ранее.

Если говорить о типах публикаций, то 49,3% — это журнальные статьи, 16,3% — книжные главы, 15,1% — аналитические отчеты. Количество журнальных статей из года в год растет, в то время как количество публикаций другого типа либо не меняется, либо становится меньше.

Поскольку международное образование — это сфера междисциплинарных исследований, публикации по теме содержались в 420 различных журналах, а аналитические отчеты 2011–2013 годов вышли в 199 издательствах. Ведущие журналы в области международного образования — это *Journal of Studies in International Education*, *Journal of Higher Education Policy and Management* и *Higher Education*, а также *International Higher Education* (который издается Центром по изучению международного высшего образования при Бостонском колледже) и *International Educator* (выпускается ассоциацией по поддержке международных студентов NAFSA). Наиболее активным издателем оказался Институт международного образования, выпустивший шесть книг и большое количество аналитических отчетов.

Также аналитические отчеты активно публиковали Британский совет и различные австралийские государственные организации.

Заключение

Получить полноценное представление о ландшафте международных образовательных исследований так же непросто, как и собрать сравнительные данные о имеющихся в различных уголках мира исследовательских центрах/институтах и образовательных программах, посвященных высшему образованию. Анализ данных исследовательской базы IDP по теме международного образования — хороший старт, но качество и ограниченность данных вызывают ряд оговорок.

Тем не менее проведенный нами анализ позволяет оценить объемы выходящих в последнее время работ, посвященных международному образованию, и очертить тенденции, связанные с темами и методами исследований и типами публикаций. Как мы увидели, ландшафт международных образовательных исследований неровен. Мы не знаем, каким он станет в будущем, но анализ данных за 2014 год помог бы более точно говорить о новых тенденциях в области исследований международного образования.

Разнообразие традиций гуманитарного образования и их актуальность в современном мире

Филип Дж. Альтбах

Филип Дж. Альтбах — исследователь, основатель и первый директор Центра по изучению международного высшего образования при Бостонском колледже, США. E-mail: altbach@bc.edu.

Можно говорить о том, что в современном мире началось возрождение общего гуманитарного образования (*liberal arts*). Если противопоставлять специализированное и общее гуманитарное образование, то первое, как правило, побеждает. В большинстве стран мира образование ориентировано на подготовку кадров для определенных профессий. Более того, учебный план узкоспециализированной образовательной программы содержит набор курсов из соответствующей предметной области, и студент, поступающий на конкретный факультет, изучает преимущественно

дисциплины в рамках своего направления подготовки, что ведет к получению диплома в выбранной области. Некоторые страны, например США, верны идее широкого образования и интеллектуальных навыков, которая и лежит в основе концепции общего гуманитарного образования.

Тем не менее, как ни удивительно, эта концепция снова стала играть заметную роль в международной дискуссии о высшем образовании. Это случилось в силу ряда причин. Пришло понимание того, что и представителям рабочих профессий, и тем, кто занят интеллектуальным трудом, нужны не только профессиональные знания, но и личностные навыки. К так называемым *soft skills* относятся критическое мышление, эффективные коммуникации, умение обрабатывать информацию как с академической, так и с культурологической точки зрения, анализировать количественные и качественные данные и так далее. К тому же экономика XXI века устроена таким образом, что рассчитывать на запланированный карьерный путь больше нельзя. Выпускники вузов сталкиваются с многообразным, сложным и непредсказуемым рынком труда. Специализированные образовательные программы больше не могут подготовить человека к новой экономике знаний, требующей от сотрудников умения творчески мыслить, и именно поэтому все больше растет убеждение в необходимости широкого междисциплинарного образования, и, по сути, можно говорить о возрождении идей, лежавших в основе средневекового европейского университета.

К настоящему времени возрождение общего гуманитарного образования затронуло в основном, но не исключительно элитные вузы, которые значимо отличаются друг от друга.

Общее гуманитарное образование

Единого определения этого понятия не существует. Для многих оно определяется главным образом самим подходом к знанию и особенностями учебного плана. Общее гуманитарное образование обычно относят к западной образовательной традиции. Так, Сократ отмечал ценность «исследованной жизни», а Аристотель — «осмысленного гражданства». Но, как мы покажем далее, подобные традиции существовали и в незападных обществах. Современные сторонники этой концепции подчеркивают важность умения критически мыслить и обладать широкими знаниями по ключевым естественнонаучным и гуманитарным вопросам для понимания постиндустриального общества во всей его сложности. Обычно общее гуманитарное образование противопоставляется более узкому, профессионально ориентированному подходу к высшему образованию, который доминирует в сознании XXI века. Сторонники первого утверждают, что образование — это не просто процесс «подготовки рабочих кадров» и что современное общество требует более свободного и вдумчивого подхода к высшему образованию.

**...как ни удивительно,
эта концепция снова стала
играть заметную роль
в международной
дискуссии о высшем
образовании.
Это случилось в силу
ряда причин.**

Традиции общего гуманитарного образования в незападных обществах

Возможно, впервые такой подход к образованию появился в Китае, где конфуцианская традиция делала акцент на образовании широкого профиля и свободном подходе к процессу накопления знаний. Две основные образовательные традиции Китая — конфуцианские «Аналекты», написанные 2500 лет назад, и традиционная китайская система высшего образования, сложившаяся во времена династии Восточная Чжоу (771–221 годы до н. э.), — обладали элементами того, что мы сейчас называем общим гуманитарным образованием. Так называемое «Пятикнижие» (У-Цзин) конфуцианского канона, известное в то время, представляло собой пять книг, содержание которых покрывало самые разные области знания. Студенты, получавшие высшее образование в духе конфуцианства, готовились к сдаче кэцзюй — государственных экзаменов в императорском Китае, которые обеспечивали доступ к госслужбе и охватывали широкий круг общеобразовательных вопросов. Таким образом, китайская образовательная традиция подразумевает широкий подход к знанию в сочетании с этикой и философией конфуцианства.

Мы редко задумываемся о том, что между конфуцианством и античной европейской философией много схожего в том, что касается подхода к образованию. Конфуций верил, что человек по натуре своей добр, и в этом контексте цель образования — «подпитывать и развивать человеческую природу ради достижения благочестия, мудрости и духовного совершенства». Несмотря на то что устройство вузов, учебные планы и цели общего гуманитарного образования того времени, без сомнения, значительно отличались от современных, можно утверждать, что задача развития студентов в том виде, в котором она понималась в конфуцианском подходе, связывает китайское высшее образование и современные представления об общем гуманитарном образовании.

Стоит также отметить, что современная китайская система единых государственных экзаменов для поступления в вузы (гаокао) — прямая наследница

системы кэцзюй. Несмотря на то что система гаокао подвергается постоянной критике и вообще вряд ли совместима с текущими представлениями об общем гуманитарном образовании, она по-прежнему обязательна в Китае и, как и кэцзюй, содержит вопросы по самым разным областям знания.

Представителем совершенно другой среды и другой интеллектуальной традиции являлся Университет Наланда, который процветал на северо-востоке Индии на протяжении почти тысячи лет вплоть до 1197 года н. э. В университете, где совмещались элементы индуистской и буддистской традиции, вел занятия Будда, и в период расцвета в нем было более 10 000 студентов и 1500 преподавателей. Несмотря на то что образовательная программа была в большей степени ориентирована на изучение религиозных текстов, в университете была возможность получить знания, выходящие за эти рамки, так как членами университетского сообщества были студенты и преподаватели многих интеллектуальных традиций. Буддистская философия определяет образование как способ самореализации и процесс «раскрытия того, что заложено в человеке» через обогащение знанием, которое освобождает его от «невежества и зависимости». Как и конфуцианская образовательная традиция, Университет Наланда является еще одним примером философии определенного направления, в данном случае — религиозного, но при этом признающего, что полноценное образование требует широкого дисциплинарного подхода.

Старейший действующий университет мира — Университет аль-Азхар в столице Египта Каире. Он был основан в 975 году н. э. и с тех пор является одним из самых авторитетных центров исламской мысли. С самого начала там преподавали не только мусульманскую теологию и законы шариата, но и философию, математику, астрономию в том объеме, в котором они имеют отношение к исламу. В 1870-е годы там открылись факультеты точных и естественных наук. В большинстве других вузов мусульманского мира образовательная программа также строилась вокруг ислама, но нередко включала естественнонаучные и гуманитарные дисциплины, что отражало единую философию и понимание необходимости комплексного подхода к образованию.

Мы показали, что многие классические неевропейские образовательные традиции предполагали обучение по широкому кругу дисциплин. Они по-разному расставляли акценты и существенно различались по своей организационной структуре и конкретным требованиям, однако все они были выстроены вокруг всеобъемлющего понимания реальности разными интеллектуальными традициями.

Заключение

В процессе происходящей в настоящее время переоценки общего гуманитарного образования, к сожалению, игнорируется то, что помимо западной

традиции существовали и другие богатые традиции, причем об этом забывают, даже если обсуждение проходит в Азии. Пересмотр содержания образования связан с вызовами XXI века и необходимостью удовлетворить новые потребности рынка труда, но идеи, лежащие в основе общего гуманитарного образования, не потеряли своей актуальности со времен Конфуция, Будды или исламских мудрецов.

Неонационализм как проблема для международных студентов

Дженни Ли

Дженни Ли — профессор наук о высшем образовании в Университете Аризоны, США. E-mail: Jennylee@arizona.edu

Сегодня за пределами своей страны учится больше студентов, чем когда бы то ни было. За прошедшие десять лет их количество удвоилось и в ближайшее время продолжит стремительно расти. Таким образом, рост международного спроса на высшее образование ставит новые задачи перед вузами, стремящимися к созданию благоприятной среды для своих международных студентов. Понятно, что иностранные студенты готовы к личностной культурной адаптации, но проблема в том, что связанные с адаптацией трудности нередко обусловлены не особенностями личности студента, а средой, в которую он попадает. Вопреки усилиям руководителей вузов, студенты, преподаватели и представители местного сообщества не всегда доброжелательно настроены к тем, кого они считают чужаками. СМИ регулярно фиксируют случаи дискриминации и нетолерантности по отношению к иностранным студентам — от проявления стереотипного мышления до физического насилия.

Хотя большинство таких студентов довольны полученным опытом, есть и те, кто страдает и чей голос мы не слышим. Согласно результатам недавнего опроса иностранных студентов, обучающихся в семи вузах ЮАР, на вопрос о том, кому бы они сообщили в случае несправедливого обращения с ними, 32% респондентов ответили, что не сообщили бы никому.

Рост региональной мобильности

С ростом глобальной мобильности выросла и региональная мобильность. Наибольших объемов она достигла в странах Европейского союза, но также

набрала обороты в Восточной Азии, Латинской Америке, Южной Африке и других регионах мира. Благодаря подписанию региональных соглашений о сотрудничестве, повышению качества высшего образования и упрощению международного передвижения начали формироваться региональные образовательные центры, которые привлекают заинтересованных в получении зарубежного образования студентов, не готовых уезжать далеко от дома. В этих условиях можно было бы предположить, что тем, кто не выглядит слишком «по-иностранному», не стоит переживать о проблеме дискриминации. Языковой барьер, тоска по дому, необходимость культурной адаптации — казалось бы, эти проблемы не так уж велики, если ты оказываешься не на другом конце света, а в соседней стране. В действительности дела обстоят иначе.

Неонационализм

Иностранные студенты, которые приезжают в США из незападных стран и развивающегося мира, чаще сталкиваются с проявлениями враждебности и дискриминацией (о которых я буду говорить как о форме неорасизма), чем студенты из Европы, Канады или Австралии. Неорасизм включает дискриминацию не только по внешнему признаку, но на основе актуальных для постколониального века культурных различий. Именно неорасизм позволяет объяснить, почему студенты из Китая сталкиваются в США с совсем другим отношением, чем американцы китайского происхождения. Однако неорасизм не применим в контексте региональной мобильности. Как показало мое последнее исследование, можно выделить новую форму дискриминации, которая связана не столько с расовой принадлежностью, сколько с национальной.

Вопреки усилиям руководителей вузов, студенты, преподаватели и представители местного сообщества не всегда доброжелательно настроены к тем, кого они считают чужаками. СМИ регулярно фиксируют случаи дискриминации и нетолерантности по отношению к иностранным студентам — от проявления стереотипного мышления до физического насилия.

Если в основе национализма лежит идея идентификации себя со своим народом, то неонационализм, подобно неорасизму, основывается на концепции глобальной экономики. Простыми словами, неонационализм — это дискриминация по признаку национальной принадлежности. В условиях роста интернационализации и усиления международной конкуренции мы наблюдаем возрождение и пересмотр концепции национальной идентичности. Неонационализм может оказать негативное влияние на опыт, который получают студенты, особенно те, кто учится в одной из стран своего региона. Плохое отношение к себе могут испытывать даже студенты, которые принадлежат к той же расе, что и большинство жителей принимающей страны, а иногда отношение к ним еще хуже, чем к иностранцам, приехавшим издалека и представляющим другую расу.

Кейсы Южной Кореи и ЮАР

И Южная Корея, и ЮАР — это страны с формирующимися рынками, испытывающие усиление иммиграционных потоков, в том числе за счет международных студентов. Обе они играют роль ключевых региональных узлов, в которых получают образование граждане близлежащих, чаще граничащих с ними государств. Как и на Западе, в Южной Корее и ЮАР к нежеланным иностранцам нередко относятся негативно.

В Южной Корее учится порядка 86 000 иностранных студентов, большинство из которых (69%) китайцы. Согласно опросам, иностранные студенты из Восточной Азии становятся жертвами дискриминации чаще, чем те, кто приехал из Европы, Северной Америки или даже из других частей Азии. Китайцы жалуются на недружелюбие со стороны местного населения чаще, чем студенты из других стран региона. Как пояснил один китайский респондент, «студенты-корейцы предпочитают общаться со студентами из западных стран и японцами, но не хотят общаться с китайцами». Он объяснил это тем, что в Корее бытуют дурные стереотипы о Китае, из-за которых китайцев часто дискриминируют. Многие студенты рассказывали подобное: «Я сделал все, чтобы найти работу, но меня не взяли, потому что я иностранец. Вообще менеджеры во время интервью не всегда могли это распознать, но я честно говорил об этом, потому что, как я полагал, я не должен стыдиться своей национальности. Но они сразу же говорили о том, что не возьмут меня на работу». Вот история другого студента: «Командант общежития сказала, что она никогда не поселит китайцев, потому что они грязные и шумные». Очевидно, что это дискриминация не по расовому, а по национальному признаку.

Подобная дискриминация распространена не только в Восточной Азии. Например, в ЮАР учится около 73 000 иностранных студентов, 74% из которых граждане других стран Южной Африки, включая 27% студентов из соседнего Зимбабве. Как и в Южной Корее, обучающиеся в ЮАР иностранные студенты жалуются на то, что их интересы ущемляют из-за их национальности.

Как объяснил один респондент, «к зимбабвийцам относятся плохо, потому что у нас в стране трудная политическая и экономическая ситуация». А вот слова другого студента: «Похоже, людям неприятно со мной общаться, потому что я нигериец». Многие иностранные студенты сталкиваются с проблемой поиска жилья. Например, один студент из Замбии сказал по этому поводу так: «Южноафриканцы обычно презируют нас, иностранцев. Они дерут с нас в два раза больше, чем с местных». Интересно замечание респондента из Малави: «Местные студенты относятся к студентам из других африканских стран хуже, чем к иностранным студентам из других регионов... Они не ассоциируют себя с другими африканцами. При этом они всегда доброжелательны по отношению к другим иностранцам».

Впереди трудности

Страны Запада, которые принимают множество иностранных студентов, по-прежнему борются с проблемой интеграции. Аналогичные задачи стоят и перед региональными образовательными лидерами, несмотря на то что они принимают преимущественно студентов из соседних, культурно близких стран. Если в западных странах, таких как США, Великобритания и Австралия, можно говорить о проявлениях неорасизма, то в развивающихся странах, таких как Южная Корея и ЮАР, чьи вузы привлекают студентов из соседних стран, — скорее о проявлениях неонационализма. Как показывают недавние исследования, международные студенты по всему миру сталкиваются с проблемами подобного рода. Таким образом, неорасизм и неонационализм — две различные, но одинаково значимые проблемы, которые нашему сложноорганизованному глобальному обществу необходимо решить.

Проблемы студенческой мобильности в Юго-Восточной Азии

Тхю Т. До, Дуи Н. Фам

Тхю Т. До — аспирант в области управления высшим образованием, Университет Сент-Луиса (США). E-mail: tdo10@slu.edu.

Дуи Н. Фам — аспирант в области измерений в образовании и психологии, Массачусетский университет в Амхёрсте. E-mail: dpham@umass.edu.

В начале XXI века под влиянием глобализации существенно выросли объемы студенческой мобильности в странах Юго-Восточной Азии: исходящая мобиль-

ность увеличилась значительно, входящая растет постоянно, но чуть менее быстрыми темпами. Преимущества развития программ студенческой мобильности очевидны, однако страны Юго-Восточной Азии при их реализации сталкиваются с рядом проблем.

Изменения последних лет

Страны Юго-Восточной Азии входят в число двадцати пяти государств, направляющих своих студентов для обучения в университетах США. Это в том числе Вьетнам (8-е место), Индонезия (19-е), Таиланд (20-е) и Малайзия (24-е). К 2011 году в США, Великобритании и Австралии обучалось 214 000 граждан четырех перечисленных стран и Филиппин. Рост студенческой мобильности также связан с распространением различных форм международных образовательных программ, реализуемых в странах Юго-Восточной Азии совместно с иностранными вузами (открытие филиалов западных вузов, реализация образовательных программ по франшизе и т.д.). В настоящее время в регионе действует 25 филиалов зарубежных вузов: один в Индонезии, шесть в Малайзии, тринадцать в Сингапуре, три в Таиланде и два во Вьетнаме.

В странах Юго-Восточной Азии развивается не только исходящая мобильность, но и система привлечения иностранных студентов. Они уже достигли определенных успехов на глобальном образовательном рынке за счет открытия англоязычных программ и относительно низкой стоимости обучения и жилья. Страны-лидеры — Сингапур и Малайзия — стремятся стать региональными образовательными хабами и уже начали экспортировать образовательные услуги. По данным газеты «Гардиан», в 2014 году в Сингапуре обучалось 52 959 студентов-иностранцев из 120 государств, а в Малайзии — 63 625 студентов из 160 государств. И Сингапур, и Малайзия входят в двадцатку наиболее привлекательных для участников международной студенческой мобильности стран. Большинство обучающихся в них иностранных студентов приехали из Южной Кореи, Китая и Индии.

Поток иностранных студентов из западных стран в Юго-Восточную Азию пока невелик (около 5000 в год), но стабильно увеличивается на протяжении нескольких лет. Это в основном американцы, австралийцы и британцы, которые обучаются в Малайзии, Сингапуре, Таиланде или на Филиппинах. В последнее время стало больше студентов с Ближнего Востока, включая ОАЭ, Оман, Йемен, Саудовскую Аравию и Ливан. После терактов 11 сентября США ужесточили визовую политику в отношении граждан ближневосточных государств, в результате чего в Юго-Восточной Азии стало больше студентов из арабских стран. Так, в 2012 году иранцы составляли 21,44% из 61 000 иностранных студентов филиппинских вузов. Малайзийские вузы тоже стали целенаправленно работать с ближневосточной аудиторией в поисках абитуриентов.

Проблемы

Вышеперечисленные факты показывают, что правительства и вузы стран Юго-Восточной Азии заметно преуспели в сфере интернационализации высшего образования, однако перед ними до сих пор стоит ряд проблем, затрудняющих дальнейший рост и развитие новых транснациональных образовательных программ.

Страны Юго-Восточной Азии входят в число двадцати пяти государств, направляющих своих студентов для обучения в университетах США.

Периферийность. Периферийный статус Юго-Восточной Азии в вопросах производства знаний является основной проблемой региона, которая влечет за собой все остальные. На самом деле не многие страны Юго-Восточной Азии можно назвать источником передовых знаний и технологий. В списке 500 ведущих исследовательских университетов мира, попавших в Шанхайский рейтинг (ARWU), появляются только два расположенных в регионе вуза, причем оба из Сингапура. Так как этот рейтинг уделяет первоочередное внимание научной продуктивности вузов, такая ситуация свидетельствует о том, что вузы этого региона находятся на периферии мировой науки.

Периферийность значительно снижает привлекательность высшего образования Юго-Восточной Азии для иностранных студентов. Например, граждане стран Юго-Восточной Азии редко отправляются в соседние государства не только для обучения на основных программах, но и даже для участия в обменах. Вместо того чтобы оставаться в рамках своего региона, богатые вьетнамцы, малайзийцы и индонезийцы предпочитают отправлять детей для обучения за пределы региона, в англоязычные страны. Проблема такого выбора состоит в том, что из-за этого вузы Юго-Восточной Азии теряют самых лучших и самых обеспеченных абитуриентов.

Утечка мозгов. Как показывает статистика за последние несколько десятилетий, обычно граждане восточных государств переезжают на Запад, из неанглоязычных стран в англоязычные. Многие преподаватели и ученые, которые успешно работают в вузах США, Великобритании, Австралии, Японии, — выходцы из Юго-Восточной Азии. Несмотря на то что утечка мозгов в разных странах происходит с разной интенсивностью и ощущается по-разному, во всех случаях она является серьезной проблемой. Наиболее развитые страны региона, например Сингапур, теряют своих

лучших людей либо на Западе, либо в Японии. А для других стран, обладающих изначально не таким сильным академическим потенциалом, потеря талантливых студентов и ученых является причиной снижения их возможности создавать и развивать собственные престижные вузы. Так, большинство наиболее одаренных молодых вьетнамцев учится, а большинство самых продуктивных ученых — работает за границей. Почти 100% лучших выпускников передовых школ Ханоя и Хошимина уезжают учиться на зарубежные бакалаврские программы. То же касается и вьетнамцев, победивших на международных олимпиадах по математике, — большинство из них работают в развитых странах.

Языковой барьер. Еще одна трудность в привлечении иностранных студентов и интеграции в международное научное сообщество заключается в том, что во многих странах региона образование и наука развиваются на местных языках, а не на английском. Большинство вузов региона, за исключением сингапурских, филиппинских и тайландских, практически не предлагает англоязычных программ. Именно поэтому иностранцы редко приезжают туда по обмену, а уж тем более на полный срок обучения. Если вузам региона не удастся расширить спектр англоязычных курсов, можно ожидать, что те из них, где преподавание ведется не на английском, останутся непривлекательными для подавляющего большинства иностранцев.

Очень важно, чтобы страны Юго-Восточной Азии осознавали перечисленные в этой статье сложности и целенаправленно сфокусировались на их преодолении, тем самым повышая качество и эффективность высшего образования. В конечном итоге это не только позволит им повысить уровень высшего образования, но и окажет благоприятное влияние на развитие общества.

.....

Обсуждение во Франции вопроса о взимании платы за обучение с иностранных студентов

Ариана де Гайардон

Ариана де Гайардон — аспирантка Центра по изучению международного высшего образования при Бостонском колледже, США. E-mail: ariane.de.gayardon@gmail.com.

В 2012 году около 4 млн студентов обучались за пределами своей страны, благодаря чему студенческая мобильность стала одним из наиболее заметных

аспектов интернационализации высшего образования. Однако страны, принимающие все больше иностранных студентов, начинают пересматривать стратегии финансирования. В эпоху глобального сокращения расходов вопрос о том, нужно ли субсидировать иностранных студентов в том же объеме, как и собственных, становится вполне легитимным.

Этот вопрос активно обсуждался во Франции в первой половине 2015 года, и France Stratégie, аналитический центр премьер-министра, подготовил документ, предлагающий взимать с иностранных студентов плату за обучение. Франция не первая и не последняя страна, которая обсуждает этот вопрос, но ее пример имеет особое значение, так как она является третьей по привлекательности для международных студентов страной мира, причем половина обучающихся в ней иностранных студентов приезжает из Африки.

Социальное государство

Как только речь заходит о субсидировании обучения иностранцев, европейская идея социального государства оказывается в уязвимом положении, потому что европейские государства тратят огромные деньги на поддержку высшего образования, рассматривая его как базовое право. В то время, когда все университеты мира испытывают значительные финансовые трудности, государства с развитой социальной системой задаются вопросом, стоит ли им продолжать принимать иностранных студентов на таких мягких финансовых условиях. Тот факт, что этот вопрос на протяжении последнего десятилетия обсуждается даже в признанных образцами социального государства скандинавских странах, показывает, насколько актуальным он является. Дания и Швеция уже начали взимать с иностранцев плату за обучение. Скорее всего, Финляндия начнет делать то же самое начиная с 2016 года, несмотря на противоречивые результаты пробного периода и на противостояние со стороны студенческих организаций.

Современное состояние французского высшего образования

Франция, безусловно, является государством всеобщего благосостояния, и стоимость высшего образования там предельно низкая. В 2014–2015 учебном году все студенты бакалавриата (и французы, и иностранцы) платили за обучение примерно 210 долларов США в год. Согласно данным ОЭСР, в 2011 году правительство Франции финансировало 80,8% расходов на содержание государственных вузов. По подсчетам, расходы государства на одного студента возросли с 7700 долларов США в год в 1980-х годах до примерно 12 500 долларов на сегодняшний день. В контексте постоянно увеличивающегося количества студентов неудивительно, что в стране наконец задался вопросом о том, кого государству стоит субсидировать.

В 2015 году аналитический центр премьер-министра Франции опубликовал доклад под названием

Этот вопрос активно обсуждался во Франции в первой половине 2015 года, и France Stratégie, аналитический центр премьер-министра, подготовил документ, предлагающий взимать с иностранных студентов плату за обучение.

«Поддерживая интернационализацию высшего образования». Авторы доклада предложили взимать с иностранных студентов полную стоимость обучения, а высвобожденные таким образом бюджетные средства направить на интернационализацию вузов. Французский контекст включает определенную специфику, которая делает это обсуждение особенно интересным.

Для кого привлекательны французские вузы?

В контексте приема иностранных студентов Франция занимает уникальное положение. В 2012 году ЮНЕСКО присвоило ей третье место в рейтинге самых привлекательных для студенческой мобильности стран, которая принимает 7% от 4 млн международных студентов. Интересно, что в верхушке этого рейтинга расположились преимущественно страны, в которых стоимость обучения для иностранцев очень высока, в том числе США, Великобритания и Австралия.

Вопрос оплаты иностранными студентами обучения во Франции вызывает особенно острые дебаты как минимум в связи с происхождением этих студентов. Почти половина всех иностранных студентов Франции являются выходцами из Африки, из бывших французских колоний. В десятку стран, поток студентов из которых самый большой, входят Марокко, Алжир, Тунис, Сенегал и Камерун. Маловероятно, что граждане этих стран смогут себе позволить платить за обучение более 12 500 долларов США в год. Даже в нынешней ситуации, когда стоимость обучения невысока, 82% иностранных студентов отмечают в опросах, что они и их семьи испытывают финансовые трудности. В этих условиях невозможно говорить о повышении стоимости обучения без учета последствий такого решения для студентов, которые хотя и имеют доступ к качественному высшему образованию. Также необходимо поднять вопрос об общественном благе, так как, предоставляя возможность бесплатного

обучения, Франция помогает экономически менее развитым странам, поставляя им квалифицированных сотрудников.

Франция только выигрывает благодаря разнообразию и количеству международного студенческого сообщества. Введение платы для иностранных студентов, без сомнения, повлияет на масштаб входящей студенческой мобильности. Авторы опубликованного в 2015 году доклада предсказывают, что введение подобных мер приведет к 40-процентному сокращению количества мобильных студентов. Заменить студентов, которые не приедут из-за введения платы, будет чрезвычайно сложно, так как Франция не имеет опыта привлечения студентов, которые могут и готовы оплачивать обучение, с учетом языкового барьера и конкуренции с США, Великобританией и Австралией.

Наконец, необходимо провести экономический анализ вопроса. В 2014 году экономический эффект от присутствия во Франции иностранных студентов оценивался почти в 5 млрд долларов США, а при вычете средств, затраченных на их обучение, — в 1,6 млрд долларов. Это значительно превышает сумму в 930 млн долларов, которую предположительно удастся сэкономить при введении платы за обучение. Таким образом, вполне возможно, что экономический эффект от присутствия в стране иностранных студентов оправдывает затраты на их обучение.

Заключение

В июле 2015 года правительство Франции приняло решение о том, что иностранцы по-прежнему будут платить наравне с французами и гражданами других стран ЕС. Однако сам факт этой дискуссии открывает возможность установления для иностранцев более высокого уровня оплаты. Так, например, Финляндия после нескольких лет сопротивления все же решила ввести плату с сентября 2016 года. Когда этот вопрос снова окажется во Франции на повестке дня, ей придется оценить не только роль иностранных студентов в экономике, но и свою собственную роль в качестве развитого государства, дающего гражданам других стран возможность получить образование. А значит, дискуссия не должна ограничиваться экономическими доводами и должна учитывать многообразие систем высшего образования, национальные и глобальные интересы и даже особенности международного взаимодействия.

Качество преподавания в вузах Великобритании под микроскопом: факторы развития

Робин Мидлхёрст

Робин Мидлхёрст — советник по внешней политике и профессор Кингстонского университета, Лондон, Великобритания. E-mail: r.middlehurst@kingston.ac.uk.

Различные инструменты измерения качества образования обычно очень высоко оценивают систему высшего образования Великобритании. По результатам опросов, проведенных национальным рейтингом «Гардиан» в 2015 году в 119 вузах, уровень удовлетворенности студентов преподаванием варьировался от 77,6% до 93,3%, а по данным Национального опроса студентов за тот же период в 156 вузах, этот показатель составил от 74% до 98%. Национальные мониторинги показывают, что британские вузы расширяют доступ к высшему образованию для представителей социальных и экономических меньшинств, работают над снижением процента отчислений и выпускают высоко востребованных рынком труда специалистов.

Хорошо зарекомендовавшие себя механизмы оценки качества преподавания, обучения, учебных планов существуют в Великобритании не одно десятилетие. На программном уровне этим занимаются профессиональные, надзорные и регулирующие органы (PSRB), на институциональном — Агентство по контролю качества (QAA). Внутренний и внешний контроль осуществляется в соответствии с «Британскими принципами качества в сфере высшего образования». Кроме того, Великобритания стала первой страной, которая разработала «Национальные профессиональные стандарты» (UKPSF) в области преподавания, обучения и контроля высшего образования. Выпускники программ, аккредитованных UKPSF, могут получить статус членов Академии высшего образования — национального агентства по улучшению качества. В настоящее время академия насчитывает 60 тысяч членов, в том числе за границей.

Новые инициативы по повышению качества преподавания в Англии

Тем не менее в стране реализуются три масштабные инициативы, направленные на повышение качества преподавания и обучения, а также качества их контроля. Первая — это анализ контроля качества, проводившийся государственными органами, отвечающими за финансовую поддержку высшего образования, в 2014–2015 годах, итогом которого стало предложение о кардинальном пересмотре внешних

и внутренних механизмов контроля качества обучения. Вторая — запущенная новым министром образования инициатива «Высокие стандарты качества в преподавании», план которой был опубликован 6 ноября 2015 года. Третья — начатый недавно парламентский запрос, направленный на изучение первых двух инициатив и их потенциальных результатов. Все это вызывает в самой Великобритании массу споров, а иностранные наблюдатели наверняка смотрят с непониманием. Так чем же руководствуются авторы всех этих инициатив?

Нет причин говорить о том, что качество преподавания в британских вузах вызывает тревогу, скорее даже наоборот. Все вузы уделяют большое внимание преподаванию, обучению и качеству получаемого студентами опыта. Постоянно меняющийся политический контекст не позволяет точно выявить конкретные причины этого процесса, но можно предположить, что основных факторов три, и некоторые из них в значительной степени зависят от широкого международного резонанса.

Политический фактор

Первый фактор — политический, и касается он в первую очередь Англии (в противовес другим частям Соединенного Королевства). За последние десять лет, когда правительство страны менялось несколько раз, в Англии прошла либерализация образовательного рынка: появились новые частные вузы, некоторые из них обрели статус университетов, а их студенты получили доступ к системе образовательного кредитования. Обучение стало платным, и стоимость поднималась несколько раз. Данные ОЭСР показывают, что если еще совсем недавно основным источником финансирования высшего образования было государство, то сейчас значительно выросла доля частных средств (особенно если речь идет о науках, не входящих в группу STEM). В то же время бюджетные средства на исследования стали концентрироваться в небольшой группе вузов, и это совпало со снижением объема средств, выделяемых на оплату труда преподавателей. Нынешний и предыдущий министры образования — оба представители Консервативной партии — выражали озабоченность будущим системы высшего образования (вызванную действиями их же правительств). Первая претензия касалась нового подхода к определению стоимости обучения в контексте соотношения цены и качества, а также к самой системе оплаты, при которой оплату изначально осуществляет правительство, а студенты возвращают вложенные в них средства после окончания обучения. Во-вторых, исследовательская деятельность стала считаться более значимой и престижной, чем преподавательская, особенно с учетом реализации программы «Высокие стандарты качества в науке». Для того чтобы сбалансировать ситуацию, новый министр высшего образования Англии анонсировал программу «Высокие стандарты качества в преподавании».

Экономический фактор

Второй фактор — экономический, и он тоже касается в первую очередь Англии, но не только. Новое правительство, избранное в мае 2015 года, пообещало продолжить политику жесткой экономии, ставшую результатом мирового экономического кризиса 2007–2008 годов. Изменения системы финансирования высшего образования являются одним из результатов этого кризиса, и, вероятно, стоит ожидать новых и еще более радикальных сокращений. Для того чтобы найти выход из сложившейся ситуации и решение задачи дальнейшей коммерциализации образования, правительство планирует коренным образом пересмотреть нормативно-правовую базу, регулирующую деятельность системы высшего образования. Частные вузы давно и активно лоббируют реформу образовательного рынка. А «традиционные» университеты со своей стороны лоббируют снижение внешнего контроля, объясняя это затратностью процесса, и переход к системе рискоориентированного контроля качества. Как потенциально приемлемые модели государственными органами Великобритании были рассмотрены новая австралийская рискоориентированная система контроля качества и американская региональная система аккредитации.

Социальный фактор

Третий фактор, который имеет и общенациональное, и международное измерение, — социальный. Высшее образование Великобритании на сегодняшний день представляет собой крупную и разнородную систему с постоянно увеличивающимся количеством участников. Несмотря на устойчивый прогресс, подтверждаемый результатами мониторингов, уровень социальной мобильности студентов по-прежнему невысок: студенты из неблагополучных групп (с низким социально-экономическим статусом, с ограниченными возможностями, чернокожие, представители этнических меньшинств) дольше учатся и чаще бросают учебу. Сбор дополнительных данных об этих группах позволяет увидеть более четкую картину, которую некоторые вузы целенаправленно используют для улучшения обучения этих студентов, а другие — нет. При этом все аналитики ратуют за более широкое распространение количественных методов измерения качества преподавания и обучения.

Есть, конечно, и другие факторы, которые играют большую роль для вузов и правительства: например, стимулирование инновационных подходов к преподаванию, поддержание международной конкурентоспособности британских вузов в борьбе за иностранных студентов, — но они не так важны, как описанные выше политические, экономические и социальные факторы. Неудивительно, что аналогичные вопросы поднимаются и в других странах, например в США, где идет ожесточенная дискуссия вокруг национальной системы аккредитации в области высшего образования.

Высшее образование в Косово: затянувшийся переходный период

Джавит Реджай

Джавит Реджай — проректор по международному сотрудничеству Университета ААВ, Приштина (Косово). E-mail: xhavit.rexhaj@aab-edu.net.

Эта статья выходила ранее в другом формате в сборнике Stepping Into a New Era под ред. А. Гласса (Европейская ассоциация международного образования, 2014, Conference Conversation Starter).

Как и все косовское общество, система высшего образования Косово вступила в долгий переходный период: в 1990-х годах это была полумертвая, глубоко политизированная система, а сейчас она стремится предоставлять качественное обучение и стать частью европейского пространства высшего образования (European Higher Education Area).

Население Косово — практически самое молодое в Европе. Оно составляет 1,8 млн человек, 45% которых моложе 25 лет, а более четверти — дети и подростки, не достигшие 15 лет. По данным переписи 2011 года, лишь 6,72% косоваров имеют уровень образования выше среднего, что, пожалуй, самый низкий для Западных Балкан показатель: в других странах региона он варьируется в пределах 8–14%. Спустя 15 лет после окончания войны в 1999 году, система высшего образования Косово значительно увеличила доступ к академическим услугам: за период с 2005 по 2015 год количество студентов на 1000 жителей увеличилось с 12 до 55 человек. Это время также рассматривается как период значимых структурных трансформаций ландшафта высшего образования страны.

Неконтролируемые структурные изменения и расширение системы высшего образования

Количество государственных университетов выросло с единственного Университета Приштины (основан в 1970 году), в котором 2007 году обучалось 27 000 студентов, до шести албаноязычных университетов (основаны в 2010–2013 годах) и одного сербскоязычного (основан в 2000 году), в которых в 2014 году обучалось в общей сложности 75 000 студентов. Частный сектор высшего образования раздулся в послевоенный период с двух официально лицензированных и аккредитованных вузов до 25 (которые называются либо «колледжами», либо «высшими школами»). Частные вузы предоставляют образовательные сервисы для трети студентов, обучающихся по программам бакалавриата и магистратуры, и их количество продолжает расти.

Последствия расширения системы высшего образования

Доступные данные Министерства образования, науки и технологии и Службы статистики Косово по количеству абитуриентов и выпускников Университета Приштины за 2008–2013 годы говорят о значительном увеличении студенческого контингента. Это, однако, губительным образом сказалось на качестве образования и результатах учебы, потому что общее количество выпускников снизилось — как в относительных, так и в абсолютных цифрах. В 2008–2009 учебном году диплом получил 5161 студент, то есть около двух третей от 7000 первокурсников, начавших учебу в 2005 году. В том же 2008–2009 учебном году в Университет Приштины поступило 10 007 абитуриентов. Три года спустя, в 2011 году, выпустилось лишь 4496 человек, т.е. 44% от поступивших. Таким образом, масштаб приемной кампании вырос за три года (2005–2008 годы) более чем на 40%, но номинальное количество выпускников уменьшилось примерно на 10%. Эти данные говорят о резком падении качества образования в результате неконтролируемого роста приема, и эта тенденция наблюдается и по сей день.

Несмотря на почти трехкратное увеличение численности студентов государственных вузов в период с 2008 по 2013 год, их финансирование повысилось менее чем на 40%, численность преподавателей увеличилась менее чем на 30%, а инфраструктура практически не обновлялась. Расходы государственных вузов в пересчете на одного студента в Косово колеблются между 300 и 500 евро в год, что примерно в 3 раза меньше, чем в других частях Западных Балкан, и в 15 раз меньше, чем в среднем по странам ОЭСР. Вплоть до июня 2014 года студенты государственных вузов ежегодно платили взнос в размере 100 евро (около 130 долларов США), но в погоне за голосами в ходе избирательной кампании 2014 года правительство сократило эту сумму на 50%. В итоге операционные и административные издержки по сбору этих денег со студентов превысили собственно размер собираемого дохода. Расширение системы высшего образования не сопровождалось увеличением ресурсов. Вместо этого имеющиеся финансовые ресурсы и преподаватели были просто перераспределены между Университетом Приштины и новыми государственными вузами. Логично предположить, что это отрицательно сказалось на качестве образования.

Маргинализация науки

В дополнение к падению качества образования были сведены к минимуму и усилия по развитию науки. Министры образования рапортуют о том, что Косово является «информационным обществом», но вузы не производят практически никаких новых знаний. Наоборот, они превратились в заведения, где студенты просто слушают лекции, содержание которых давно устарело. В связи с ростом численности студентов

средства, которые должны были быть направлены на науку, используются для оплаты преподавания, а научная работа совершенно потеряла свою привлекательность.

Для многих преподавателей исследовательская работа является только способом получить повышение и, соответственно, прибавку к зарплате. Целью ведения «научной работы» стало поддержание стабильности собственного статуса в постоянно меняющихся условиях. С годами ситуация ухудшается, и профессора печатаются в сомнительных, псевдонаучных журналах, издаваемых где-нибудь в Индии, а недавно в этом был уличен ректор Университета Приштины. Эта тема стала активно обсуждаться в СМИ. В начале 2014 года после студенческих протестов и публикаций в национальных и зарубежных СМИ ректор подал в отставку. Более того, журналистские расследования, посвященные сомнительным практикам университетских преподавателей, получили широкое распространение.

Роль системы высшего образования

Государственная политика по повышению доступности вузов пустила высшее образование под откос. На первый план вышла социальная и политическая роль вузов, а не академическая. Несмотря на увеличение численности студентов в государственных и частных вузах, выпускников больше не стало, а их востребованность на рынке труда вызывает сомнения. Похоже, роль вузов свелась к тому, чтобы отложить выход малообразованных молодых людей на и без того переполненный рынок труда. Открытие новых вузов во всех относительно больших городах Косово позволило правящей партии набрать голоса, как это было во время избирательной кампании 2014 года, но в результате они сталкиваются с теми же проблемами, что и столичный Университет Приштины.

Последние события

2014 год можно считать многообещающим для косовской системы высшего образования: в правительстве был назначен новый министр образования, а Университет Приштины избрал нового ректора. Новый министр инициировал ряд правовых и структурных преобразований, а новый ректор объявил о начале институциональной и академической реформы своего университета. Результаты реформы образования обычно становятся видны минимум через 7 лет после ее начала, поэтому пока рано делать выводы, но уже создается ощущение, что вузы Косово увидели свет в конце тоннеля.

.....

ИНИИ НИУ ВШЭ

Институт институциональных исследований НИУ ВШЭ (ИНИИ) осуществляет фундаментальные и прикладные исследования в области институционального анализа, экономики и социологии высшего образования и науки на основе мировых академических стандартов.

ИНИИ интегрирован в международную сеть исследователей высшего образования и сотрудничает с зарубежными экспертами в рамках сравнительных научно-исследовательских проектов в области развития высшей школы и социальной политики в сфере образования. В рамках долгосрочного сотрудничества с Центром по изучению международного высшего образования при Бостонском колледже (США) ИНИИ осуществляет издание русскоязычной версии бюллетеня «Международное высшее образование».

<http://cinst.hse.ru/>

«Международное высшее образование» — русскоязычная версия информационного бюллетеня International Higher Education (Бостонский колледж, США), издается НИУ ВШЭ с 2014 года ежеквартально

Переводчик — Галина Петренко

Редактор перевода — Лариса Тарадина

Корректор — Ольга Першукевич

Дизайн, верстка — Владимир Кремлёв

Руководитель проекта — Мария Юдкевич
yudkevich@hse.ru

Координатор проекта — Наталья Денисова
ndenisova@hse.ru

101000, Москва,
ул. Мясницкая, д. 20

Тираж 50 экз.

E-mail: ihe@hse.ru

Сайт журнала: www.ihe.hse.ru

ВЫПУСК

84

Зима
2016

